

ПОЖИРАТЕЛЬ

275

Annotation

Александр возвращается из лесу домой, но вдруг оказывается, что город опустел, семья мертва, а на кухне собственной квартиры его ждёт...

Лес шумел. Ветви усталых берёз рябили над головой пожелтевшими листьями и мотались туда-сюда от порывов ветра. Александр сидел на поваленном дереве. Посмотрел на небо: оно тускнело, предвещая наступление темноты. Поёжился от осеннего холодка, пробравшегося под толстовку и тонкую курточку. Морозы пока не ударили, и днём было тепло, но к вечеру температура начинала стремительно падать, особенно здесь в лесу, куда солнечные лучи пробивались с трудом, застревая в ещё не облетевших кронах.

У ног лежало тело. Человек распластался лицом вниз, в спутанных волосах поблёскивало что-то мокрое и вязкое, оно стекало красными струйками на землю, окрашивая высохшие травяные стебли и выцветшую, отжившую своё листву. Александр держал в руке молоток, по самую рукоятку обAGRённый той же красной субстанцией. Рядом с телом валялась начатая бутылка водки, её содержимое частично вылилось, сдобрив почву спиртовым раствором.

Лес находился недалеко от города, и Александр прекрасно понимал, что тут могут оказаться посторонние, вроде запоздалых грибников-пенсионеров, возвращающихся вечером в уютные пригородные домики, но уходить не торопился: наслаждался последними днями золотой осенней поры, чистым воздухом, отблеском заходящего солнца. Это было чудесное время года, которое имело привычку слишком быстро заканчиваться с наступлением заморозков — последний вздох природы перед долгой зимней смертью.

Очередной порыв ветра отдёргнул полу куртки, напоминая, что надо идти. Вытерев молоток о землю, Александр сунул его в чёрную кожаную барсетку, крикнув, поднялся с насиженного места и зашагал прочь. Недалеко, на присыпанной листвой грунтовой дороге, пристроились старые «Жигули», вперив прямоугольные фары в сгущающиеся сумерки. На пыльном тёмно-зелёном корпусе, как и на стальных колёсных дисках, виднелись следы ржавчины, красноречиво говорящие о солидном возрасте транспортного средства и плохом уходе. Александр плюхнулся в продавленное сиденье, повернул ключ зажигания, и автомобиль, тарахтя и поскрипывая, вразвалку пополз по неровной колее.

Солнце закатилось за лес, и последние отзвуки лучей гасли на восточной стороне неба, когда «Жигули» вывернули на шоссе и понеслись к городу, освещая сумеречную дорогу желтизной фар.

Видя, что дорога пуста, Александр вдавил газ, выжимая из старенького двигателя лишние обороты. Отсутствие машин показалось странным, и чем дальше он ехал, тем тревожнее становилась эта пустота. Вдоль шоссе потянулся частный сектор, мимо промелькнули заправка и СТО, потонувшие во мраке, но сколько Александр ни буравил взглядом темноту, не мог обнаружить ни одного человека, да и света в окнах не было, несмотря на поздний час. И вот уже впереди показалась промзона, а вокруг царила та же загадочная, необъяснимая пустота. Город будто вымер, и лишь вдоль дорог мирно стояли припаркованными авто, ожидая пропавших хозяев. Даже фонари сегодня никто не включил.

Вглядываясь в бегущие впереди лучи фар, Александр ехал в направлении дома, а железная рука беспокойства всё сильнее сжимала внутренности. Решил остановиться. Заглушил двигатель и долго сидел, вслушивался в тишину, затем вышел. По одну сторону улицы тянулись гаражи, за которыми пряталась железная дорога вместе с застывшим грузовым составом, по другую — росли деревья, среди которых днём можно было разглядеть

окна административного здания местного завода. Звуки большого города пропали вместе с его обитателями, только листва шумела на ветру, и откуда-то доносился еле слышный механический рокот. А небесный свод усеивала бриллиантовая россыпь далёких светил, больше не затмеваемая светом фонарей.

Так Александр и стоял среди пустой улицы, зябко поёживаясь в вечерней прохладе, и старался понять, что произошло, пока краем глаза не заметил движение в кустах. Тут же направился туда и, не доходя до гаражей, остановился.

— Есть тут кто? — крикнул он. — Выходи!

Ответа не последовало, да и шевеление прекратилось.

— Да что происходит, чёрт возьми?! — воскликнул Александр, спрашивая то ли у того, кто прятался в кустах, то ли у самой Вселенной.

Он долго и внимательно всматривался в темноту, но дальше идти не решился: подумалось, что там может ждать нечто жуткое и опасное, нечто такое, с чем никогда никому не доводилось сталкивался в этой жизни. Иррациональный ужас охватил его, требуя немедленно бежать или ехать, как можно дальше. Александр попятился к машине, запрыгнул в салон и дрожащей рукой нащупывал ключ в замке зажигания, а когда «Жигули» завелись, так резко вдавил газ, что покрышки завизжали по асфальту. Александр гнал по пустой улице, левой рукой держа руль, а правой — ища в телефоне номер жены. Она-то точно должна знать, что произошло. Вот только связь отсутствовала, даже гудки не шли. «Должна же здесь ловить сеть, всегда ловила, почему не ловит сейчас?» — подумал Александр и с досадой швырнул трубку на соседнее сиденье. Он свернул на развязке, проскочил под железнодорожным мостом и оказался в жилой части города, но и тут было пусто, только дома чёрными глыбами воздвигались по обе стороны проезжей части.

Без пробок и светофоров Александр за считанные минуты домчал до пятиэтажки, где он жил. Окна её выходили на улицу позади университетских корпусов, но не смотря на близость учебного заведения, здесь обычно было не очень суетно. Дома, расположенные под углом к проезжей части, прятались за деревьями и теперь тонули в тени. Въехав во двор, мужчина заглушил двигатель, схватил барсетку и телефон и выскочил из машины. Уличная дверь открылась без ключа: ни домофон, ни замок не работали. В крошечном мраке подъезда ничего не было видно, и Александр споткнулся о первый же порог. Выругался, включил телефонный фонарик — привычный подъезд показался чужим и страшным.

Перепрыгивая через несколько ступеней, Александр взлетел на третий этаж и остановился рядом с квартирой, внимательно прислушиваясь к тому, что творится внутри. Его не оставляла надежда, что жена с сыном дома — ждут его, тоже не понимая, что произошло. Александр медлил, боясь разрушить хрупкие надежды. Продолжалось это лишь несколько секунд — в конце концов, он взял себя в руки и отпер дверь.

В нос ударил запах варёных овощей, а потому на мгновение Александр решил, что семья дома.

— Дорогая! — позвал он с порога. — Я вернулся, вы где?

Никто не ответил. Не разуваясь, Александр прошёл в квартиру. Он заглянул в зал, и так и замер, холодея нутром. Фонарик смартфона высветил фигуру жены, что с неестественно запрокинутой головой сидела на диване. Спинка дивана была заляпана кровью, а безвольно откинутая рука женщины сжимала пистолет — старый трофейный "Люгер", который Александру достался от деда, и который он хранил у себя в столе долгие годы. Давно подумывал выбросить — хоть и память, а лишних проблем с законом не хотелось — вот

только руки никак не доходили. Пятно света метнулось в другую сторону и упало на маленькое скрюченное тельце рядом со шкафом. Бордовая лужа, растёкшаяся вокруг детской головки, блеснула на старом паркетном полу.

— Нет! — закричал Александр, бросаясь вначале к телу мальчика, а затем к супруге. — Зачем? Что ты натворила?

Он схватил женщину за голову и посмотрел в мёртвое лицо с остекленевшими глазами, зрачки которых закатились под верхние веки. В правом виске супруги зияло отверстие, а слева, на выходе, пуля превратила череп в кашу из мозга и осколков костей. Александр сжимал и тряс охладевший труп, не обращая внимания на окрасившиеся красным пальцы. Случившееся не могло быть взаправду, он отказывался в это верить. Ещё недавно жена и сын были живы, ещё утром он разговаривал с ними, а теперь они исчезли, покинули мир живых. Снова подошёл к сыну, присел рядом и положил на колени окоченевшее тельце. «Зачем? — шептал Александр, не помня себя от горя, — Почему ты это сделала, чёртова дура?» Долго стискивал в объятиях сына, будто надеясь, что произойдёт чудо, и тот очнётся. Затем встал, прошёлся пару раз из стороны в сторону и плюхнулся на диван подле мёртвой супруги. Забыв о том, что руки в крови, Александр обхватил своё лицо, впиваясь ногтями в кожу. Рот его застыл в безмолвном крике. Происходящее казалось нереальным, но вот боль, что рвала душу на части, была вовсе не иллюзорной. «Зачем?» — как безумный, повторял Александр, но, сколько бы он не вопрошал, мертвецы молчали.

Он долго так сидел, пока внимание не привлёк резкий посторонний звук на кухне. Александр весь обратился в слух. «Убийца!» — мелькнула мысль. Ну конечно же! Кто-то прикончил жену и ребёнка и обставил это, как самоубийство. И этот кто-то ещё находился тут, в квартире.

Александр разжал задеревеневшие пальцы мёртвой женщины, взял оружие и проверил обойму: оставалось шесть патронов. Затем медленно, стараясь не шуметь, стал продвигаться в сторону кухни, которая находилась в конце коридора, и резко выскочив из-за угла, наставил ствол в дверной проём. Александр не сразу понял, что там. Огромная, до потолка, чёрная фигура, еле прорисовывающаяся во мраке комнаты, стояла спиной к двери и закрывала собой окно. Но даже в темноте виднелся горб на спине существа и массивные птичьи лапы, что торчали из-под края чёрной тряпки, в которую оно было обёрнуто. Подробнее рассмотреть фигуру не получалось, впрочем, Александр и не пытался это сделать: один только вид монстра породил приступ паники, ноги задрожали, а пистолет чуть не выпал из рук.

— Что ты такое? — прошептал мужчина, пятясь назад. Он упёрся спиной в стену коридора, а горбатое существо в чёрном одеянии в этом время стало медленно оборачиваться. И тут ужас окончательно овладел Александром. Он опрометью вылетел из квартиры, и, пару раз чуть не упав на тёмной лестнице, выскочил на улицу. Хотел сесть машину, но вспомнил, что ключи по привычке сложил в барсетку, а она вместе с телефоном, осталась лежать на окровавленном диване.

Но о том, чтобы вернуться назад, Александр даже думать боялся, он бежал вперёд через двор, не разбирая дороги, пока не выскочил на широкий проспект, непривычно тихий и пустой. Чувствуя, что выдохся, сбавил скорость и теперь трусил по пустому тротуару, ежеминутно оглядываясь назад. Впрочем, на широкой, просматриваемой со всех сторон улице, Александр чувствовал себя неудобно, а потому снова свернул во дворы и уже быстрым шагом, тяжело дыша и отплёвывая скопившуюся в горле мокроту, направился куда глаза

глядят, стараясь держаться в тени и трусцой пересекая открытые пространства.

Наконец, забежав в арку большого дома, он остановился. Александр ушёл уже достаточно далеко, приступ паники миновал, и стал возвращаться холодный рассудок. Преследовать никто не преследовал, а значит, можно было передохнуть и хорошо всё обдумать. Александр оказался в пустынном дворе, вокруг которого сплошной стеной тянулась многоподъездная высотка. Тут и там в беспорядке стояли машины, некоторые припаркованные, некоторые брошенные посреди дороги. Александр прислушивался, ожидая обнаружить признаки жизни, но ни одна живая душа так и не дала о себе знать. Пистолет по-прежнему был крепко сжат в руке, приятная тяжесть оружия добавляла уверенности.

Александр оказался в весьма странном положении: мир внезапно переменился, а знакомый город стал чужим и опасным, на улицах поселились неведомые силы, непостижимые для простого человека, и что делать в таких обстоятельствах, было непонятно. Искать людей? Попробовать осмотреть другие районы? Бежать, как можно дальше отсюда? Так или иначе, это стоило отложить до утра. А пока Александр остановился на том, что надо найти еду и место для ночлега. С этими мыслями он зашёл в первый попавшийся подъезд и стал проверять одну за другой двери. Все они оказались заперты, нашлась только одна открытая квартира, но тут царил ужасный бардак, и не было ничего съестного. Тогда Александр спустился во двор, нашёл обломок кирпича и выбил окно на первом этаже. Звон стекла, рассыпавшегося под ударом булыжника на мелкие осколки, огласил громом ночную тишину покинутого города, заставив содрогнуться. Если кто-то находился поблизости, шум наверняка привлёк их внимание, и хорошо, если бы это оказались люди: Александра не оставляла мысль, что теперь город заселили те существа, с одним из которых он столкнулся на кухне. Тем не менее, лучшего способа пробраться в квартиру он не придумал, а потому, выждав несколько минут, подошёл к окну, вытащил осколки стекла из рамы, дабы не поранить руки, и забрался внутрь.

Квартира выглядела чисто и опрятно. Казалось, хозяева ненадолго отъехали, оставив всё на своих местах. Держа оружие наготове, Александр осмотрел помещение. Прежде тут жила семейная пара с ребёнком: в одной из комнат обнаружились детские книжки и школьные принадлежности. Пощёлкал выключателями, повертел краны в раковинах: ни света, ни воды не оказалось, все коммуникации, по-видимому, были обрублены. На кухне стояла вонь: скоропортящаяся еда в неработающем холодильнике давно померла и теперь издавала характерный запах. Зато в шкафу лежали печенье и зачерствевший батон. Запихав в рот кусок хлеба и печенья и запив водой, что оставалась в кухонном фильтре, Александр немного утолил голод, после чего вышел на лестничную клетку, сел на ступени и задумался. Перед взором возникли мёртвые жена и сын со страшными окровавленными лицами. Было тоскливо и тяжело на душе от того, что они навсегда остались гнить в пустой квартире, где теперь живёт монстр, обёрнутый, будто саваном, чёрной тканью. На глаза навернулись слёзы. Александр даже не сомневался, что это существо прикончило его семью, а может быть, оно убило и остальных жителей? Жуткие мысли лезли в мозг, отказывающийся понимать и осмысливать происходящее вокруг. Оно не поддавалось здравому смыслу и не укладывалось в привычные рамки реальности, оно походило на сон — на дурацкий, нелепый, затянувшийся сон, что не желал заканчиваться. «Может, утром всё изменится? — думал Александр, цепляясь за последнюю надежду. — Может, надо просто заснуть, а когда проснусь, всё станет по-прежнему?»

Вернувшись в квартиру, Александр закрыл входную дверь на оба замка, а к разбитому

окну поставил шкаф, из которого вытащил все ящики и вещи, прежде чем удалось его сдвинуть. Сложив вещи на место, подпёр шкаф столом и парой кресел и критически осмотрел получившуюся баррикаду: доверия она не внушала. В спальне дверь закрывалась изнутри на шпингалет, Александр заперся там и устроился на кровати, а пистолет положил на тумбочку у изголовья. Теперь оставалось заснуть. Но тишина давила и не давала расслабиться, а мозг говорил, что тут не должно быть так тихо, что это не нормально, и Александр лежал не в силах сомкнуть глаз, вздрагивая от каждого шороха.

Ему чудилось, что монстр уже тут, что он стоит за окном и выжидает, пока человек уснёт, дабы проникнуть в дом и убить его так же, как и остальных.

За окном начало светать, ночная темень сменилась выхолощенной серостью утра, и облака неровной грядой поползли по небу. Заснуть не получилось. Ночью Александр замёрз, пришлось найти одеяло и спрятаться под ним от холода. Но от страха спрятаться было не возможно, страх не давал расслабиться сознанию, которое продолжало бодрствовать назло усталости и мучить тревожными мыслями, заставляя ворочаться с боку на бок на чужой постели. А когда окончательно рассвело, было уже не до сна. Александр многое передумал за эту ночь, много перебрал в голове планов и остановился на том, что, прежде всего, стоит вернуться домой и забрать кое-какие вещи, документы и машину, без которой будет сложно выбраться из опустевшего города. Подумал, что существо наверняка покинуло кухню, а если нет, старенький «Люгер» поможет избавиться от проблемы.

Решив так, Александр покинул временное пристанище. При свете дня пустота, заполнившая город, предстала во всей полноте, во всём суровом величии, вселяющем трепет в сердце городского обывателя железобетонной тишиной. Картину довершала всеобъемлющая пасмурная хмарь, поглотившая составляющие этого мира: асфальт, машины, дома и даже деревья, раскрашенные осенними красками — всё сливалось в безличном, омертвевшем полотне. Осмотревшись, Александр безошибочно определил, где находится. Ночью он думал, будто бежал целую вечность, но по факту удалился от дома лишь на пару кварталов.

Возвращался дворами, избегая открытых пространств. Александр шёл мимо многоэтажек, а на него пялились пустые окна: наблюдали за одиноким прохожим, храня молчание. Александр не смотрел в них, боясь наткнуться взглядом на тех, кто мог там находиться, с кем встречаться в очередной раз он бы не пожелал. Даже бродячих кошек и собак не было на улицах; город будто стерилизовали, избавив от жизни во всех её проявлениях. Наконец, впереди показались университетские корпуса и вход в метро. На автобусной остановке, как обычно, столпились маршрутки, ожидая пассажиров, но людей не было, и микроавтобусы стояли пустые с заглушенными двигателям. А вот и знакомые ряды пятиэтажек пристроились среди уличных насаждений. Прибавил шаг. Мыслями он был уже дома, а сердце дико колотилось в ожидании новой встречи с тем кошмаром, что обитал на кухне.

Однако, увидев между пятиэтажками человеческую фигуру, Александр остановился. Человек выглядел, как военный. Поверх камуфляжного костюма на нём был надет бронежилет с разгрузкой, из карманов которой торчали запасные магазинами; шлем и противогаз полностью закрывали голову и лицо, а руки сжимали автомат. Боец шёл вдоль дома и заглядывал в каждый подъезд, будто что-то искал.

Александр стоял в недоумении. Занятый своим делом солдат смотрел в другую сторону и не замечал мужчину на тротуаре, но в любой момент он мог обернуться. Было не ясно, чего ждать от вооружённого человека среди опустевших кварталов и не понятно, что делать: попытаться незаметно скрыться или попросить помощи. Если броситься наутёк, солдат наверняка откроет огонь, а вот если подойти... Военные должны знать, что произошло, возможно, они уже эвакуировали основную массу людей, и теперь ищут оставшихся. Рассудив таким образом, Александр осторожно направился в сторону человека с автоматом, постоянно косясь на припаркованные у обочины машины, которые могли послужить

укрытием, если диалог не задастся. Окликнул бойца. Тот чуть ли не подпрыгнул от неожиданности и ту же навёл ствол на идущего мужчину.

— Не стреляй! — крикнул Александр, поднимая руки. — Я не опасен, я местный, мне нужна помощь. Все куда-то исчезли, я тут один остался.

Не ответив, солдат крадучись направился в его сторону, держа на мушке. И тут Александр понял, что решение было ошибочным. Он не мог знать, что у бойца в голове, и какой приказ тому отдали, не знал, и какое участие принимали военные во вчерашних событиях. Солдат мог, не говоря ни слова, пристрелить одинокого бродягу, руки и лицо которого к тому же были испачканы кровью. И казалось, именно это он и собирался сделать. Александр попятился, а затем, сделал рывок и, перекатился через капот близстоящей иномарки, в миг скрылся от глаз военного. Автоматная очередь не стала неожиданностью, пули засвистели над головой, а у машины посыпались стёкла. Пригнувшись и стараясь не высовываться из-за ряда припаркованных авто, Александр бежал к ближайшим кустам. Выстрелы не смолкали, несколько пуль чиркнуло об асфальт совсем близко. К счастью, растительности тут было много, а рядом с университетом находился бульвар, куда и поспешил беглец, в надежде, что солдат потеряет его из виду.

Нельзя было останавливаться ни на минуту, позади шагала смерть, правда на этот раз в самом обычном человеческом обличье, и Александр опять бежал по дворам, петлял между домами, пока не выскочил на большую улицу. По ту сторону проезжей части стояли недостроенные здания нового жилого квартала, а за ними начинался лесистый спуск к реке. Решил спрятаться в прибрежных зарослях: на пустых улицах одинокая человеческая фигура — слишком лёгкая мишень. Пришла идея добратся вдоль берега до частного сектора.

Александр миновал стройку и очутился в лесной зоне, отделяющей жилые кварталы от реки, и только тут, наконец, почувствовал себя в безопасности. Звуки погони давно смолкли, да и спокойнее здесь было: не давила зловещая пустота города, а окна, таящие неизвестность, не буравили со всех сторон. Сердце бешено колотилось, одежда промокла от пота, и Александр присел отдышаться, продолжая внимательно прислушиваться к шуму листвы, стараясь засечь чужеродные звуки. Придя в норму, решил спуститься к самой реке: стало интересно, что происходит на другом берегу. Теплилась надежда, что не весь город опустел, и в правобережной части ещё остались люди.

Но когда Александр подошёл к воде, открывшаяся перед глазами картина вызвала новую волну недоумения: здесь через реку прежде пролегали автомобильный мост и метромост, но теперь их не было. Их будто кто-то выдрал огромной лапой, и теперь с обоих берегов торчали лишь огрызки конструкций со свисающими лохмотьями бетона, обломками железа и обрывками проводов. Помимо метромоста, через Обь вело ещё два автомобильных и два железнодорожных, и Александр задумался о том, сохранились ли они, и есть ли смысл перебираться на тот берег. Он вглядывался вдаль, пытаясь обнаружить признаки жизни в правобережной части города. С такого расстояния было сложно что-либо разглядеть, но звук машин отчётливо слышался с той стороны, говоря о человеческом присутствии.

Увлечённый собственными мыслями, Александр не заметил, как к берегу подплыла лодка. На вёслах сидел высокий пожилой мужчина в надвинутой на глаза кепке и зелёной штормовке, какие носят рыбаки и дачники. Когда Александр, наконец, обратил внимание на старика, тот замахал ему рукой. Александр ответил тем же. Пожилой мужчина был не вооружён, да и настроен, казалось, весьма дружелюбно.

Лодка причалила.

— На тот берег? — спросил старик. — Запрыгивай!

Не дожидаясь повторного приглашения, Александр залез в старую железную посудину и устроился на сиденье напротив гребца. Лодочник смотрел на пассажира с ехидным прищуром, а его губы застыли в лёгкой усмешке. Лицо старика казалось добродушным, будто наполнено светом, идущим изнутри, и Александр ощутил, как отступает терзающее душу беспокойство. Быстрыми, отточенными взмахами вёсел пожилой мужчина погнал лодку к правому берегу, однако, к удивлению Александра, он не задал ни единого вопроса, словно не видел ничего странного в одиноком человеке среди заброшенного города, и лишь молча грёб вперёд, ухмыляясь какой-то пришедшей в голову мысли. Пришлось начать разговор первым:

— Там есть люди? На том берегу?

— А то! Все как раз там, — добродушно ответил старик.

— А с этого куда народ пропал?

— Да кто куда. Я-то что, надзиратель им, смотреть, куда кто пошёл?

Вёсла с монотонной периодичностью разбивали мутную воду, а волны слегка покачивали лодку. Александр нахмурился: похоже, старик был немного не в своём уме.

— Что тут вообще произошло-то? — продолжал он допрос. — Я вчера вечером домой вернулся, а в городе никого, фонари не горят, и вообще... — тут он осёкся, об убитой семье говорить не хотелось.

— Да, бывает, — протянул старик, — но тут уж ничего не попишешь: что случилось, то случилось.

— Слушай, отец, хватит говорить загадками, — Александр почувствовал лёгкое раздражение, — ты в курсе, что происходит?

Лодочник только ещё больше заулыбался:

— Молодой человек, мой дело маленькое, да и стар я, в политику не лезу. Куда мне? Это, видать, наверху намудрили.

— Правительство? И что говорят? Что по телевизору передают, в новостях?

— Да не смотрю я этот ящик давно: и так дел по горло.

— Неужели самому не интересно? Полгорода же пропало!

— Может и интересно, да кто ж нынче правду забесплатно скажет? Ты это, умылся бы что ли: рожа-то в крови вся.

Александр посмотрел в мутно-серую воду реки: старик оказался прав.

— Так нормально? — спросил Александр, когда отёр руки и лицо.

— Сойдёт, — кивнул лодочник.

Подплыли к причалу. Тут стоял речной пароходик, но людей вокруг не было. Прибрежный сквер пустовал, а кафе не работали.

Александр выпрыгнул на деревянный помост.

— А народ где? — обернулся он к старику.

— Туда иди, — тот махнул рукой в сторону города.

— Спасибо!

— Да было б за что, работа есть работа, — заулыбался лодочник, — ступай с миром.

Александр направился к дороге, откуда доносился такой привычный и успокаивающий шум городской улицы. Тут были люди, и, судя по всему, текла обычная, размеренная жизнь. Правда, некоторые прохожие подозрительно косились на Александра, но большого значения он этому не придал, списав на свой растрёпанный вид.

Жизнь здесь действительно шла своим чередом так, словно там, за рекой, ничего не

произошло. Тут не было ни пустых домов, ни монстров, ни солдат с автоматами — обычный будничный Новосибирск, каким его привык видеть Александр все тридцать с лишним лет своей жизни. Только одно показалось странным: слишком мало машин было на дорогах.

Желудок снова напомнил о том, что пустует со вчерашнего вечера. Вот только деньги все остались в кошельке, а тот в свою очередь — дома в барсетке. Телефон тоже лежал в квартире на диване рядом с телом супруги. Единственное, что имелось при себе, так это «Люгер» с шестью патронами в обойме. Ещё на берегу Александр заткнул его за пояс джинсов, толстовка и куртка скрыли оружие от посторонних глаз. Порылся в карманах и нашёл двухрублёвую монету, повертел её в руке, досадуя на дурацкое положение, в котором оказался. Куда идти, он не знал: знакомых на этом берегу у него было мало, а родственники проживали там, где сейчас пустели покинутые кварталы и, скорее всего, пропали вместе с остальным населением. Александр продолжал ломать голову, пытаясь объяснить себе происходящее, но не один из придуманных вариантов не выглядел достаточно убедительным. Больше всего хотелось, чтобы это оказался просто сон, от которого он скоро очнётся в собственной квартире. Вот только сон заканчиваться не спешил.

Рядом с закрытой станцией метро в круглом здании небольшого торгового центра расположился Макдональдс, куда и направился Александр. Народу было немного. Люди мирно поглощали пищу, разговаривали, некоторые сидел, уткнувшись в смартфоны и планшеты, или таращился в окно. Александр сел за столик и огляделся вокруг: по соседству мужчина и женщина о чём-то перешёптывались между собой. На женщине, облекая её полную фигуру, красовалась замшевая куртка тёмно-синего цвета. Мужчина же был одет в бежевую ветровку и брюки. Низкорослый, с залысиной на макушке и в очках, он производил впечатление интеллигентного человека, что вполне располагало к общению.

— Простите, — окликнул их Александр, — вы не в курсе, что случилось на левом берегу?

Однако вопреки ожиданию, они, вместо того, чтобы ответить, посмотрели на обратившегося к ним незнакомца со смесью страха и недоумения, и не говоря ни слова, встали и быстро проследовали к выходу.

Остальные посетители тоже обернулись, и уставились на Александра так, что тот ощутил себя не в своей тарелке, будто совершил нечто постыдное или спросил то, что у незнакомых людей спрашивать не принято. Не желая больше привлекать к себе внимания, Александр встал и тоже вышел из заведения. Реакции окружающих он понять не мог, и находился в полном недоумении от случившегося.

Побродив туда-сюда в бесплодных попытках осмыслить ситуацию, снова вспомнил о желудке, который сводило от голода. Подумал, что если с левого берега всех эвакуировали, их где-то разместили, а значит, недалеко от города устроили лагерь, и в первую очередь следовало отправиться туда. Решил расспросить людей на улице, которые уж точно должны что-то знать об этом, но к глубочайшему удивлению, когда он подходил к прохожим, те либо игнорировали его, либо подозрительно косились, а один мужчина предпенсионного возраста даже обложил трёхтонным матом, вызвав у Александра бурю негодования. Стало казаться, что не только лодочник был не в своём уме — весь город свихнулся. Другого объяснения столь неадекватной реакции просто не находилось.

На глаза попался магазин хозяйственных товаров, и Александр решил зайти туда, надеясь, что продавцы-то уж точно не отвернутся и выложат всё, как есть. Спустился по лестнице в просторное полуподвальное помещение, наполненное запахом пластика, мыла и

стирального порошка, и направился к прилавку, за которым стояла полная женщина с угрюмой физиономией.

— Извините, — обратился к ней Александр, — может, вы знаете, что произошло в городе, и куда обратиться? Я на том берегу живу... точнее, жил. Вчера вечером, как обычно, приехал домой, а город пуст. Куда все подевались? Их эвакуировали?

Продавщица даже не посмотрела в его сторону.

— Ничего не знаю, — выпалила она, — мужчина, не мешайте работать.

— Как так-то? — Александра повысил голос. — Чем я тебе работать мешаю? Почему никто ничего не хочет говорить? Что за дурдом? Ты знаешь, что происходит? Знаешь или нет?

— Мужчина, покиньте магазин, я полицию вызову! — чуть не закричала женщина.

— Ты дура совсем? — Александр угрожающе придвинулся к прилавку.

На шум подошёл полный, круглолицый продавец.

— В чём проблема? — спросил он. — Уважаемым, вам что надо?

— Ты-то хоть нормальный? — обернулся к нему Александр. — Ответы нужны! Мне надо знать, что происходит в городе и куда обращаться.

— Где происходит? Ничего нигде не происходит, — замотал головой продавец. — С вами всё в порядке? Я попросил бы вас покинуть магазин, вы людей пугаете.

Вначале Александр думал двинуть этому типу по откормленной физиономии, но затем вспомнил про пистолет за поясом, и в следующий миг в его руке уже тускло поблёскивал ствол «Люгера», направленный в живот толстяка. Тот испуганно попятился назад, а женщина за прилавком взвизгнула и запричитала. Пара покупателей, что находились в это время в магазине, пулей выскочили вон.

— Не держи меня за идиота, — медленно проговорил Александр, — просто скажи, что случилось на левом берегу?

— Слушай, мужик, я не знаю ничего, — залепетал продавец, — если хочешь деньги, забирай всё, что есть. У меня жена и ребёнок, мне проблемы не нужны.

В глазах обоих сотрудников читались страх и непонимание. Александр зло сплюнул, убрал пистолет и вышел из магазина, напоследок хлопнув дверью. Убежавшие покупатели могли вызвать полицию, а потому, тревожно оглядываясь, он быстро зашагал через дворы, желая поскорее покинуть район. Направился к частному сектору, успокаивая себя тем, что его вряд ли будут искать: из-за таких пустяков полиция уж точно не станет морочить себе голову.

Хотелось есть, и в ногах ощущалась слабость, но достать пропитание было неоткуда. Александр подумал, что зря не обчистил кассу, хотя с другой стороны, в его положении лучше было не совершать преступлений, а пистолет и вообще выбросить в ближайший водоём.

Вот только всё настойчивее приходили мысли, что тут нет никакого лагеря для эвакуированных, где можно попросить помощи. Было не ясно: то ли город сошёл с ума, то ли Землю захватили инопланетяне, то ли Александр тронулся умом, то ли просто спит, — в любом случае, он остался один на один с этим миром, и никто теперь не поможет: ни друзья, которых нет, ни власти, ни военные. А если так, то не стоило избавляться от единственного средства защиты, а лучше всего было бежать как можно дальше из города, ставшего за последние сутки таким странным и нелепым.

Но для этого требовалось разыскать деньги. Имея пистолет, добыть их было не сложно,

по крайней мере, Александру так казалось: остановить любого прохожего на безлюдной улице — и дело сделано. Но когда он решился на конкретные шаги, появилась масса трудностей. Прежде всего долго не получалось найти достаточно укромный закоулок: то место оказывалось слишком людным, то где-то поблизости болталась полицейская «Лада». В подходящих же местах попадались такие прохожие, у которых по внешнему виду было сложно заподозрить наличие требуемой суммы.

Совсем отчаявшись, Александр бродил по городским окраинам, мимо серых заборов и маленьких деревянных домиков, когда, наконец, заметил того, кого искал. Мужчина средних лет солидного вида в плаще и гладко выглаженных брюках бодро шагал по частному сектору, через плечо его висела кожаная сумка. Александр оценил обстановку: справа тянулась бетонная ограда, слева росли кусты, скрывая окна ближайших домов, людей поблизости не было — местность выглядела вполне подходящей. Александр накинул капюшон толстовки и двинулся наперерез прохожему. Когда тот обратил внимание на приближающегося подозрительного типа, было поздно: на него уже угрожающе смотрело чёрное отверстие пистолетного ствола. Лицо мужчины отразило недоумение и растерянность, а затем страх. Он что-то невнятно пробормотал.

— Кошелёк, быстро! — тихо процедил Александр, подходя вплотную, и не дожидаясь ответных действий, сам полез в сумку и начал там шарить. Быстро нащупывал телефон и планшет, но это ему было не нужно. Бумажник покоился на самом дне, и Александр, ловко выцепив его, открыл одной рукой, другой продолжая наставлять на человека оружие. Налички в кошельке лежало немного, всего две-три тысячи, и стало досадно, что пришлось рисковать из-за этой мелочи, но сейчас даже такие деньги спасали ситуацию.

Тут Александр почувствовал удар в предплечье, и от неожиданности нажал на спуск. Хлопнул выстрел и прохожий, вскрикнув, схватился за живот. Александр оторопело смотрел на человека, свалившегося в корчах на грунтовку, и не мог понять, что произошло. Он слишком увлёкся содержимым кошелька, а в это время мужчина, видимо, решив обезоружить вора, попробовал провести какой-то сомнительный приём. Итогом стал простреленный живот.

— Во дурак-то, — тихо проговорил Александр, — идиот форменный. Из-за сраных двух тысяч!

Оглянувшись: вокруг, как и прежде, никого не было. Он судорожно запихал купюры в карман джинсов, зашвырнул в кусты бумажник и со всех ног побежал прочь. «Люгер», теперь уже с пятью патронами в обойме, сыграв свою роковую роль, вновь воцарился на прежнее место за ремнём джинсов.

Далее по улице, возле гаража, тархтел неисправным глушителем старый «Москвич», а рядом копошились мужики в грязных спецовках. Завидев их, Александр прекратил бег и перешёл на быстрый шаг. Двигатель гудел на всю округу, а потому механики могли и не услышать выстрела. Но когда Александр проходил мимо, мужик, сидевший на скамейке, весьма странно посмотрел на него.

Район следовало покинуть как можно скорее, пока не обнаружится жертва. Миновав частный сектор и облезлые двухэтажки, Александр оказался на небольшой пустынной улице. Возле перекрёстка была остановка. Ждать пришлось недолго — вскоре подъехала маршрутка.

— Куда едешь? — спросил Александр у водителя.

— До Золотой Нивы, брат, — с акцентом ответил толстый усатый кавказец, — там

вообще-то написано, — он ткнул пальцем в табличку на лобовом стекле.

В маршрутке было всего пара человек, Александр устроился на свободном месте, и микроавтобус задребезжал по разбитому асфальту, покидая злополучный район. За окном проплывали дома, Александр сидел, прислонившись лбом к стеклу, и думал о том, как паршиво всё получилось.

Выйдя у станции метро, направился к ближайшему крупному торговому центру, где можно поесть, не привлекая лишнего внимания. Почти целый день он провёл на ногах без крошки во рту — измученный организм требовал отдыха. А впереди ждала неизвестность.

Под вечер в торговом центре казалось суетно, но даже здесь виднелись следы запустения: многие торговые места были не заняты, а часть магазинов — закрыта. Александр давно понял, что население Новосибирска, даже его правого берега, где всё ещё жили люди, сократилось уж если не вдвое, то как минимум, на треть. Но никому будто дела до этого не было.

Александр набрал гору фастфуда и, найдя свободное место в ресторанном двореке, принялся уплетать за обе щёки гамбургеры и куриные ножки, запивая колой. Вокруг люди ели, разговаривали, смеялись, гремели пластиковыми подносами, порождая монотонный гул. Недалеко расположилась шумная компания молодёжи: парни и девушки уселись вокруг стола и что-то обсуждали. Александр с завистью посмотрел на них: у этих ребят не было проблем, они могли развлекаться, сколько душе вздумается. «Да как они могут, когда в городе такое творится?» — недоумевал Александр.

Только теперь, удовлетворив чувство голода, он понял, как сильно устал. Начала наваливаться сонливость: Александр не спал более суток, и организм, до сих пор находившийся в стрессовом состоянии, расслабился и стал требовать отдыха. Хотелось вырубиться, без разницы где, пусть хоть за этим столом, или свернуться в углу, лишь бы только никто не потревожил. Пришла идея спрятаться до утра в одной из подсобок или туалете, надеясь, что персонал не обнаружит, другие варианты представлялись с трудом, ведь на улице ночами было холодно. А ещё захотелось домой. Александр здесь себя чувствовал совершенно чужим. Он не имел ничего: ни паспорта, ни денег, ни жилья. Прежде родной город стал незнакомым местом, неприветливым и опасным, где окружали равнодушные странные люди, шарахавшиеся от Александра, будто от заразного. Какая-то великая тайна теперь отделяла его от остального мира, выбивая прочь из привычной системы координат.

И он понял, что не хочет тут больше находиться. На левом берегу властвовала пустота, но здесь, среди людей, оказалось ещё хуже. Здесь он обречён бродяжничать и побираться, тогда как там, за рекой, всё ещё находится его дом. Там полно пустых квартир и много магазинов с залежами продовольствия, там можно жить. Опасности, что грозили на левом берегу, теперь казались несущественными, и, поразмыслив, Александр решил вернуться. Он не сомневался, что старик-лодочник согласится перевезти обратно на тот берег.

Довольный собственным планом, Александр сидел и смотрел на людей, снующих у касс заведений общепита, расположенных в ряд вокруг ресторанного дворика. Наконец пришла ясность, прогнав неуверенность и тревогу, и будущее уже не казалось столь неопределённым. Теперь предстояло решить вопросы поиска и обустройства нового жилья на том берегу, и подумать, как снова не нарваться на военных. Но внезапно внутри всё похолодело: взгляд упал на нечто необычное в дальнем конце зала, и это заставило вновь вспомнить былой ужас. Там стояла большая сгорбленная фигура, обмотанная куском чёрной

материи, руки-палки с тремя длинными тощими пальцами свешивались почти до пола, а в том месте, где должно было находиться лицо, чернела дыра. А люди вокруг продолжали заниматься своими делами, ели, болтали и смеялись, даже не замечая монстра. Александр мотнул головой — чудовище пропало. «Глючит уже, надо срочно спать», — решил он, протирая слипающиеся глаза.

— Вы тоже это видели? — раздался совсем рядом молодой женский голос.

Александр обернулся: он готов был поклясться, что двумя секундами ранее соседний столик пустовал, но сейчас там сидела девушка. Девушка обладала весьма обычной, можно даже сказать, невзрачной внешностью: лет двадцать пять на вид, пухлые щёки, чуть вздёрнутый нос, полное отсутствие макияжа на лице. Единственное, что Александр отметил — это красивый изгиб тонких бровей, придававший взгляду выразительность. Чёрные, волнистые волосы девушки сплетались в хвостик. Одежда её тоже была ничем не примечательна: джинсы, да куртка из дешёвого кожзама, надетая поверх длинного свитера с высоким горлом. В руке девушка держала белый смартфон, а из уха тянулся провод наушника.

— Что я видел? — не понял Александр.

— Горбатого.

— Это кто такой?

— Да не важно, — она махнула рукой и уставилась в экран гаджета.

Некоторое время Александр просто сидел и смотрел на незнакомку: за весь день она единственная решилась с ним заговорить, она не убегала, не обкладывала матом и не смотрела, как на врага народа. И Александр решил попытаться вывести у неё хоть какую-то информацию:

— Вы знаете, что здесь происходит?

— Знаю, — девушка равнодушно пожала плечами, продолжая таращиться в экран и двигая тонким пальцем по сенсору.

Александр подсел к ней за столик, на что та даже бровью не повела.

— Может, расскажете? Целый день ведь в неизвестности брожу. А город, будто спятил: все странные какие-то, не подойдёшь ни к кому.

Девушка отложила телефон:

— Видите ли, в двух словах не расскажешь. Всё довольно сложно.

— Пойму уж как-нибудь, не тупой. Что творится-то? Вчера опустел город, сегодня утром меня чуть не застрелили, а мой дом...

— Остался за рекой, я знаю, — девушка подпёрла голову пальцами правой руки и теперь внимательно смотрела на собеседника.

— Откуда? — изумлённо вытаращился на неё Александр.

— А что тут удивительного? Видно же. Потому никто и не хочет с тобой разговаривать. Тебе бы спрятаться: если попадёшься полиции или военный, пристрелят на месте. Им люди с того берега не нужны.

— Опять загадки? — Александр чувствовал, что закипает: разгадывать ребусы он был не в настроении. — Так расскажешь мне, что случилось или нет?

— А не то что? Пристрелишь? — бледные губы девушки скривились в скептической усмешке. — Убивать-то тебе не впервой. Вот только в обойме пять патронов осталось — побережь бы.

Александр так и застыл, раскрыв рот, не зная, что сказать.

— Надеюсь, ты не собирався домой возвращаться? — спросила девушка.

Александр молчал.

— Нельзя, — покачала она головой. — Надо уехать из города.

— Мне некуда, — произнёс Александр, оправившись от потрясения, и стараясь не выдать голосом испуга. — Куда, по-твоему, я должен уехать?

— В деревню, там поспокойнее.

— Я же говорю, некуда мне, у меня нет за городом ни знакомых, ни родственников.

— Да, действительно. Меня Мария звать, кстати.

— Э...Саша...

— Да в курсе я, — она усмехнулась, — вот мы и познакомились. Получается, теперь у тебя есть знакомые за городом. Поехали?

Александр напрягся. В любых других обстоятельствах подобное приглашение от симпатичной молодой особы выглядело бы заманчивым, но только не сейчас. Он видел Марию первый раз в жизни, но она всё про него знала, даже то, что он сделал сегодня. Нехорошие мысли закрались в голову: девушка-то наверняка из органов и, стоит выйти из торгового центра, там, как пить дать, поджидает полицейский «Бобик» с оперативниками, али кто посерьёзнее.

— Знаешь что, — Александр недоверчиво прищурился, скрестив руки на груди, — пожалуй, откажусь. Я останусь тут, и никуда вы меня не выманите. А патронов, ты права, ещё целых пять, так что голыми руками не возьмёте — не на того напали.

Мария хмыкнула и, вновь подперев щеку пальцами, укоризненно уставилась на Александра.

— Тебе нужны ответы? — спросила она

— Нужны, но...

— Так в чём дело? Испугался что ли? Посмотри вокруг: думаешь, хоть кто-то из них заговорит с тобой? Ты тут чужой. А если бы на тебя действительно вышла полиция, поверь, языком чесать никто бы не стал. Я сейчас встану и уйду, а ты можешь выкручиваться сам, как знаешь. Ну или мы едем вместе. Выбирай.

Александр долго смотрел на внезапную знакомую. «А ведь это мой единственный шанс хоть что-то узнать, — подумал он, старательно отгоняя навалившиеся страхи, — выходит, деваться некуда».

— Ладно, — согласился он, — поехали.

— Хорошо, такси ждёт на стоянке.

Мария встала и направилась к выходу, Александр последовал за ней.

Едва они вышли из торгового центра, мигнула фарами старая круглоглазая «Волга» жёлтого цвета с оранжевым маячком на крыше — такие такси уже давно не встречались на улицах крупных городов даже здесь, в Сибири.

Александр и Мария уселись на заднее сиденье.

— Куда едем, молодёжь? — голос таксиста показался знакомым.

— Как обычно, Пётр Тимофеевич, в деревню везите, — сказал девушка.

Александр вглядывался в лицо высокого пожилого мужчины в кепке, понимая, что за рулём «Волги» сидит тот самый старик, который сегодня вёз его на лодке с левого берега.

— Подожди, отец, да ты же... — воскликнул было Александр, но водитель перебил его.

— Хорошо, — громко произнёс он, не дав закончить фразу, — в деревню, так в деревню! Едем!

Зафырчал, затарахтел двигатель, и «Волга» тронулась с места. Александр больше не пытался заговорить, неизвестные люди везли его в неизвестном направлении, но как и тогда в лодке, пришло умиротворение, постепенно превращающееся в полное равнодушие ко всему на свете. Стало хорошо и спокойно на душе, и откинув голову на спинку сиденья, он позволил себе, наконец, уснуть.

Когда Александр открыл глаза, на улице уже рассвело, а он всё ещё находился в машине. Под колёсами успокаивающе шуршал гравий, а монотонное урчание двигателя, запах бензина и обивки салона возвращали в детство, навевая ностальгические воспоминания об отцовской «Волге» и поездках на дачу с родителями. На улице стоял туман, да такой плотный, что в пяти шагах было ничего не разглядеть, и автомобиль нёсся сквозь эту серую пелену, упираясь в неё, будто в стену, светом фар. Но высокий пожилой таксист — Пётр Тимофеевич, как звала его Мария — не обращал на это ни малейшего внимания, он спокойно вёл машину в неизвестность, удерживая одной рукой массивную, до блеска затёртую баранку. Вчерашняя же знакомая по-прежнему сидела рядом на заднем сиденье и смотрела в окно, устремив взор сквозь туман, и что-то слушала в наушниках.

— Где мы? — спросил Александр, очухиваясь от сна и разминая затёкшие конечности.

Мария обернулась:

— Скоро приедем. Уже близко.

— Неужто всю ночь ехали? Сколько сейчас времени?

— Снова сложные вопросы, — улыбнулась девушка, — говорю же, скоро приедем, успокойся.

— Что тут сложного? — не понял Александр. — Разве у тебя нет часов в телефоне? Посмотри.

— Молодой человек, — строго проговорил водитель, — есть вещи, которые нельзя просто так взять и объяснить на пальцах. Порой нужно просто следовать своим путём, не задавая лишних вопросов. Наш ум — слишком беспокойная штука: постоянно о чём-то думает, сомневается, видит не, то, что есть на самом деле. Ох, и много бед он приносит порой, когда применяется не по назначению. Так что успокой свой разум и не суетись.

— Не знаю, что за игру вы затеяли, — вздохнул Александр, — но, похоже, другого выхода у меня нет.

— Да какие там игры, — досадливо бросил старик, — нет никаких игр. Да и выхода тоже нет, верно говоришь.

В лобовом зеркале Александр заметил хитрую усмешку, застывшую на добродушном лице водителя. «Знает ведь что-то, старый чёрт, — решил про себя Александр, — но молчит».

Внезапно машину затрясло: укатанный гравий закончился, и колёса запрыгали по неровностям грунтовой колеи. Александр хотел ещё что-то спросить, но осёкся, поняв, что как бы он не старался, вряд ли сейчас вытянет информацию из этих двоих. Оставалось ждать, надеяться и верить, что везут его именно в деревню, а не в какую-нибудь секретную лабораторию для опытов или ещё куда похуже.

Туман слегка прояснился, и за окном стали видны невозделанные, заросшие дикой травой поля за которыми прорисовывался смутный силуэт лесного массива. Местность была незнакомой, да и судя по длительности поездки, занявшей всю ночь, от Новосибирска они сейчас были далеко, возможно даже в соседней области.

Скоро добрались и до деревни. За окнами проползли брошенные домики с завалившимися стенами, в разломах которых обосновалась вездесущая растительность, лишь в некоторых избах чувствовалось присутствие человека. На первый взгляд можно было

подумать, что деревня нежилая, но всё же люди тут обитали: у калитки одного дома стояла древняя старуха в платке и замызганной телогрейке. Побуревшее лицо с коричневыми впадинами щёк смотрело из тумана белёсыми глазами. У другой избы на завалинке сидел пожилой мужчина в валенках и грязном, заплатанном в нескольких местах, ватнике. Ещё один местный житель прошёл навстречу, ведя за собой лошадь.

«Волга» остановилась в центре поселения. Деревянный сарай с намалёванной от руки надписью «магазин» и обитой железом дверью гордо воздвигалась на перекрёстке двух улиц. За ним виднелась длинная одноэтажная изба, над входом в которую красовалось слово «почта», написанное синей краской, правда сам вход перегораживала косая перекладина с амбарным замком. На другой стороне улицы, на площадке, поросшей травой, отдыхал автобус, вросший в землю спущенными колёсами. Старенький ЛиАЗ со следами ржавчины под облупившейся краской прописался здесь, судя по всему, уже давно. Рядом находилась сколоченная из досок остановка.

— Приехали! — объявил Пётр Тимофеевич, глуша мотор. — Дальше уж сами, там моя колымага не проедет.

Мария поблагодарила таксиста, и все трое вышли из машины. Водитель закурил и, облокотившись на дверь «Волги», уставился куда-то вдаль. Александр же стал изучать местность, насколько это было возможно при таком тумане.

Тут от всего веяло стариной, казалось, жизнь в деревне замерла лет сто назад. Брёвна изб побурели от времени, некоторые дома имели соломенную кровлю, а из печных труб шёл дымок, по которому можно было легко определить, где люди живут, а где — нет. По дороге расхаживала живность — куры и утки — а на траве, привалившись к хлипкому забору, лежала жирная свинья. Только автобус и «Волга» напоминали о цивилизации, да фонарные столбы без проводов.

На остановке сидел широколицый мужчина плотного телосложения. Увидев остановившуюся машину, он встал и вразвалку направился к приезжим.

— Э, Марусь, здорова! — окликнул он, — как доехали?

— Нормально, дядь Гаврила, — отозвалась Мария, — без происшествий.

— Ну и слава Богу! — сказал он, а затем обратился к Александру:

— А ты чейный будешь? Погостить к нам, али насовсем?

Александр поздоровался и представился. Оказалось, Гаврила — местный охотник и рыболов. Широкое улыбчивое с недельной щетиной лицо выглядело добродушным, но когда он кривил рот в улыбке, сверкая обоими рядами жёлтых зубов, в его физиономии появлялось нечто зловещее.

— Сейчас самое время на кабана ходить, дождей пока нет, в лесу сухо, — завёл он разговор на любимую тему, — ты то, Сашка, любишь охотиться?

— Не приходилось, но стрелять умею, — сказал Александр.

— Это ничего, научим. Мы с племянником частенько шьемся по лесу. Если хоч, погнали с нами, в компании-то веселее. У нас, сам видишь, заняться толком нечем. Раньше хоть с городом связь была, автобусы ходили, а сейчас, — Гаврила махнул рукой, — только вон Петька на «Волге» своей мотается туда-сюда. Так что, ежели в городе что нужно, ты это, не стесняйся, к Петьке сразу иди. А то тут один магазин, да и там нет ни рожна.

— А вот и дедушка! — Мария кивнула на дорогу, по которой волочилась телега, запряжённая гнедой кобылой со впалыми боками. Правил упряжью маленький старичок с морщинистым, скукоженным лицом. Увидев прибывших, он расплылся в беззубой улыбке и

замахал рукой.

— Ну здоровеньки всем, кого не видал! — воскликнул он, подъехав ближе, и тут же засыпал Александра вопросами. — Выходит, прибыло в нашем полку? Откель? Небось городской? Ужо сразу видно, городской! Ну добро пожаловать, коли приехал! Айда на воз! Как звать-то?

Александр представился и забрался в телегу, за ним последовала и Мария. Деда звали Игнат, он оказался довольно болтливым стариком: пока ехали не умолкал ни на минуту.

Грунтовая колея спустилась в низину, и телега поползла через ухабы, толстые автомобильные колёса зачавкали по грязи, расплёскивая застоявшиеся лужи. Дорога здесь оказалась гораздо хуже, чем в центре — не каждая машина проехала бы.

— Как оно там, в городе-то? — поинтересовался дед Игнат. — Балакают всякое, а ни монды не поймёшь.

Александр выложил всё, как есть:

— Плохи дела в городе. Половина жителей у нас исчезла, да и вообще, чертовщина какая-то творится вокруг.

— Чертовщина — это хреново, — деловито заключил старик. — Ну а где ж её нет? Такие времена лихие пошли! Везде чертовщина. Вот раньше жизнь была-то, эх. И автобус тут ходил, и дорогу не так подтапливало. А нынче беда совсем, чертовщина, туды её в корень.

— А чего церковь в поле стоит? — Александр кивнул вдаль, где сквозь туман прорисовывались очертания купола с навершием в виде креста. Расположение показалось довольно странным

— Да не поле там — болото! Прежде, когда годков мне было, примерно, как и тебе, там избы стояли, а потом земля проседать стала — постепенно под воду всё и ушло, а церковь та была на пригорке, потому и осталась. Так что, коли пойдёшь, шибко аккуратным будь: тропинка-то узенькая. Прошлый поп однажды в потёмках почесал через топь, дык провалился и сгинул. Вот такие пироги!

Подъехали к стоящему на окраине деревни дому. Изба, хоть и была большой, но вид имела плачевный: один угол покосился, а старая, побитая черепица поросла мхом.

— А вот и хата наша, — сообщил дед Игнат, спрыгивая с воза.

Внутри изба оказалась просторной и имела несколько комнат. Когда Александр вошёл, в нос ударил запах горящих поленьев, что мирно потрескивали за чугунной заслонкой печи. Рядом на ржавом железном листе лежали дрова, а у окна стояли лавка и стол. От всего этого веяло домашним уютом и размеренной деревенской жизнью. Александру понравилось здесь, да так, что не захотелось больше никуда уходить.

— Эх, как дети померли, всё пошло наперекосяк, — начал жаловаться дед Игнат, едва переступив порог, — хата большая, рабочие руки надоть, а нету — вот всё и разваливается. В одно рыло-то за всем не уследить, особенно, коли на тебе и поле и скотина. А ты-то, гляжу, парень здоровый, из рабочих небось? Надолго к нам?

«Ну вот, не успел в дом войти, а сразу к хозяйству пристраивают», — подумал Александр, но противления это не вызвало, наоборот, чувствовалось признание за «своего», эдакое принятие в семью, несмотря на то, что был он тут совершенно посторонним человеком.

— Да кто знает, может, надолго, может — нет. А тебе помощь нужна, верно?

— А то ж, ясен пень, нужна! Подь сюды, — Игнат направился в дальнюю комнату. Тут хранилась ненужная мебель, подгнившая и почерневшая от старости. Посередине стоял

древний сервант с побитыми стёклами, заполненный книгами, а на полу лежали несколько свёрнутых в рулоны ковров, от которых воняло плесенью. Пол знатно просел, а стена накренилась, да так, что не ясно было, как изба ещё не рухнула.

— Вот глянь, — начал объяснять Игнат, — пол надоть подпереть, а вот этот хлам — вынести к чёртовой матери на свалку, а то у меня одного руки никак не дойдут. А потом, вишь разводы на потолке? Крыша дюже худая. Черепицы-то новой у нас теперича нету, зато соломы навалом: надо постелить, негоже так оставлять на зиму. А в огороде глянь какой бардак.

Александр посмотрел в окно: действительно, пространство вокруг дома тонуло в зарослях кустарника, а в дальнем углу двора виднелись камыши. Зато хлев и сарай поддерживались в хорошем состоянии — они располагались чуть в стороне от зарослей.

— Проседает земля-то, — посетовал дед Игнат, — в болоте вязнем уже который год. Того и гляди, бросать всё придётся и выше селиться.

— Ладно, помогу, чем смогу. А вы тут что, только натуральным хозяйством кормитесь?

— А как тут ещё жить? Натуральным, — пожал плечами дед Игнат.

В комнату вошла Мария, она уже успела переодеться и сейчас была в простом домашнем платье в цветочек, облегающем её не слишком стройную, но всё же довольно аппетитную фигуру, и сером вязаном свитере.

— Ну как, освоился? — спросила она Александра. — Пойду сварю что-нибудь.

— Да, давай внучка, хорошее дело. Вон Сашка-то, с дороги голодный небось. А мы глянем, что пока поделать можно. Я погреб давеча начал освобождать. Дык надоть на свалку свезти хлам. Айда, скатаемся, тут недалеко.

В подвал вёл отдельный вход со двора. Под избой тоже оказалось много отживших своё вещей. Игнат подогнал телегу, и они с Александром стали грузить на неё гнилые доски, поломанные кресла и стулья, да электронику, что теперь вряд ли тут кому пригодится: кассетный магнитофон, радиола, кухонный блендер, даже старый телевизор с корпусом под дерево и разбитой трубкой — всё шло на выброс.

— А электричества у вас нет? — спросил Александр, затаскивая в воз тушу телятника.

— Откель? В сельсовете-то, конечно, есть генератор, да его не запускают: топливо экономят! У нас тоже генератор стоит, махонький, да соляры хрен сыщешь.

— А из города сюда часто приезжают? Администрация, родственники, может к кому? В магазин кто продукты поставляет?

— Куда там! — махнул рукой дед Игнат. — Нынче городских в деревню днём с огнём не заманишь, а молодёжь и подавно. Никаких администраций сто лет, как не видывали. Только Петька один мотается, он и везёт, ежели чаво надо. А так всё... — старик развёл руками.

Нагрузив полный воз хлама, они выехали со двора, и телега поползла сквозь туман по разбитой колее. Копыта мерно чавкали по грязи, и в такт им поскрипывали несмазанные оси. Вскоре в сером мареве исчезли и дома и церковь, а с обеих сторон дороги, что шла по высокой земляной насыпи, потянулись заросли рогоза, камышей и осоки, среди которых проглядывала цветущая зелёная вода. Чуть поодаль наблюдались очертания мёртвых деревьев, что торчали из топи скопищем прямых палок.

Дед Игнат продолжал гнать лошадь, и Александр стал с подозрением поглядывать на своего спутника, и для успокоения проверил пистолет за поясом — оружие, естественно, никуда не делось, а значит, и опасаться было нечего.

— Машка — девка хорошая, хозяйственная, — заговорил Игнат после длительного

молчания, — да и ты, кажись, не лыком шит. Хорошая из вас пара. Глядишь, уживётесь.

«Уже сосватали, — подумал Александр, — а мы ведь меньше суток знакомы».

— А с чего ты решил, что я свободен? Может, у меня дом, жена, дети в городе? Почему думаешь, что я тут останусь?

— Да ладно мозги-то морочить, — сощурился дед, — кабы ждал тебя кто дома, да кабы была б у тебя хата, дык сюда бы не поехал. На кой ляд ехать, коли там всё хорошо?

— Это ты верно заметил, — вздохнул Александр, вспоминая недавнюю трагедию, а Игнат, будто прочитав мысли добавил:

— Да ты не бойсь, свои мы тут все. Знаю, тяжело поначалу, когда теряешь кого, но оно-то всё проходит со временем, а жить дальше надо — никак не отвертишься.

— Откуда ты знаешь, что я кого-то потерял?

— Да по глазам же видно. Думаешь, обмануть меня можно? А вот шиш! Деда Игната вокруг пальца не обведёшь!

— Ты прям экстрасенс.

— Кто?

— Не важно, не бери в голову.

Въехали в заболоченный лес. Берёзы и сосны росли прямо из воды, а их вершины пропадали в сизой дымке. Кое-где в трясине плавали стволы упавших деревьев и рос кустарник.

— Что-то туман не сходит, — заметил Александр.

— Он никогда не сходит. Болота же тут, — объяснил дед Игнат

— Всё равно странно. А куда едем?

— Да на помойку нашенскую, сам увидишь.

Вскоре выехали на заболоченное озеро. Местами оно было покрыто зелёной плёнкой, местами среди скопища тростника и осоки поблёскивала водная гладь. Тут стала попадаться брошенная техника. Силуэты ржавых корпусов машин прорисовывались на сером туманном полотне, зловеще выглядывая из воды, и чем дальше катилась телега, тем больше их становилось вокруг. Сваленные в топь старые трактора, комбайны и грузовики казались призраками ушедшей цивилизации, тусклыми отблесками забытого мира. Теперь они жили другой жизнью — жизнью, полной тишины и скорби, догнивая свой век на задворках цивилизации, покинувшей эти места. С молчаливым упрёком смотрели машины на двух проезжающих мимо людей, как бы осуждая за те воспоминания, что непрошенные гости могли разбедить своим случайным появлением. Творения рук человеческих год за годом медленно уходили вниз, в глубины всепоглощающей топи, будто в братскую могилу, в которой они останутся на ближайшую вечность гнить и распадаться, делаясь частью бескрайнего мирового болота.

Кроме гражданской техники попадалась так же и военная. Танки, БТР, даже ракетные установки мирно покоились в камышах — грозные машины оказались бессильны против времени и болотной влаги. Но больше всего Александр удивился, когда увидел впереди силуэты домов: пятиэтажные блочные здания выстроились рядами в стороне от дороги. Ближние были видны хорошо, а остальные растворялись в молоке тумана. Рядом с домами лежали огромные фюзеляжи воздушных лайнеров — их уделом теперь стала земная гниль.

— Охренеть! — вырвалось у Александра.

— Свалка нашенская! — не без гордости проговорил дед Игнат.

— Зачем здесь столько техники побросали?

— Да без надобности она теперича. Уже прошлым стала, куды её девать-то? Вот прошлое тут и лежит, пока не уйдёт на дно. Так-то! — старик с тоской посмотрел на ржавый кузов «Жигулей» у обочины.

— А самолёты откуда?

— Дык еропорт тута был, большой-большой, а туды дальше — город, — Игнат указал рукой вдаль, — только утоп он давно.

— Что за город? Никогда не слышал.

— А ты думал, кто тебе расскажет-то просто так? Скрывают всё. А город большой был там дальше тропа есть напрямиком к нему. Лады, давай тут хлам скидаем, и обратно вертаемся.

Мусор свалили прямо возле дороги: бытовая техника и старая мебель пополнили кладбище ненужных вещей. Но вместо того, чтобы развернуть телегу, Игнат погнал лошадь вперёд.

— А разве мы не назад едем? — с сомнением посмотрел на старика Александр.

— Ясен пень, назад. Только, что туды, что сюды — один хрен разницы нету.

Александр крепко задумался, старательно вспоминая, слышал ли он что-нибудь о затопленном городе в сибирских болотах. Но, как ни морщил лоб, в голову ничего не приходило. Так, погрузившись в мысли, он даже не заметил, как впереди в сером мареве вновь замаячили накренившиеся домики а потом и церковь.

Когда телега подъехала к избе, из которой уже тянуло запахом варёных овощей и курицы, Александр увидел, как по тропе через болото идёт высокий человек в длинных чёрных одеждах.

— Это наш батюшка чешет, отец Пафнутий, — объяснил Игнат, — чего его черти принесли, никак к обеду намылился?

Священник подошёл ближе, и теперь стало возможно его рассмотреть: отец Пафнутий был очень худым и сутулым мужчиной возрастом, едва ли старше Александра. Одет он был в простую чёрную рясу, его патлатую голову покрывала скуфья, а шею отягчал солидного размера крест. Впалые щёки делали священника похожим на мертвеца, а большие глаза и хлипкая бородёнка придавали лицу слегка демонический вид.

Игнат поздоровался с ним, поздоровался и Александр.

— Приветствую вас в нашей деревеньке! — сказал Пафнутий приятным тенором. — А я гляжу, вы с Игнатом уже делом занялись? На свалку ездили?

— Ездили, — кивнул Александр. — Впечатлён, честно скажу. Сколько добра у вас там пропадает!

— То добро приходящее, — на лице священника появилось отрешённое выражение, и он уставился в точку на дороге. — «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» — процитировал отец Пафнутий строки писания. — Видите ли, дела рук человеческих временны. Когда-то они были могущественны, а теперь их удел — болото. И так со всем. Только Божие — вечно.

— Угу, — скептически хмыкнул Александр, уперев руки в бока. — Когда всё развалилось, осталось только на Бога уповать. Так выходит?

Отец Пафнутий будто и не заметил сарказма, он убрал с лица выпавшую из-под головного убора прядь и почесал затылок.

— «Господь — твердыня моя и прибежище мое». Больше и не на что нам положиться в

этом бренном мире, — подытожил он и сменил тему, — А вы-то, Александр, говорят, из города? Как доехали? Нравится у нас тут?

— Нормально, только туман не сходит.

— Это ничего, привыкните: тут постоянно так. Мне-то поначалу тоже не сильно нравилось, а потом с Божьей помощью образовалось всё.

— А вы, получается, тоже не местный? — поинтересовался Александр.

— Можно и так сказать. Десять лет назад сюда приехал, когда отец Никанор преставился, Царствие ему небесное. Вот и служу с тех пор, народ на путь истинный наставляю по мере своих скромных сил, обряды, если какие надо, провожу — так и живём потихоньку. Людей у нас не много, но к воскресной литургии приходят все исправно. Вы тоже приходите, приобщиться, так сказать, к таинству.

— Спасибо, может, приду посмотрю, — всё так же скептически ответил Александр.

— Так ты, отец, заходи, — влез в разговор дед Игнат, — мы как раз отобедать собрались.

— Спасибо большое, — священник слегка склонил голову, — но вынужден отказать: мне к Петру Тимофеевичу надо, пока он не уехал, да в магазин. Так что приятной трапезы вам, и Бог в помощь в делах ваших.

Отец Пафнутий пошёл дальше, придерживая рясу, дабы та не запачкалась в грязевой жиже, а Александр, нахмурившись, смотрел ему в след.

— Ну чаво zenки вылупил, — окликнул его дед Игнат, заводя лошадь на двор, — айда в дом, Маруська жрать, небось, уже сварганила.

Будучи голодным, Александр с удовольствием навернул и ароматные куриные щи, и чёрный хлеб, что шёл вприкуску. А после обеда дед Игнат поручил новому жильцу накормить скотину, птицу и натаскать воды, для чего тому пришлось отправиться с бидоном к ближайшему колодцу через три дома.

Вот только когда Александр подошёл к срубу и заглянул в скважину, воды там не оказалось. Из глубины смотрела лишь чёрная бездна. Подняв же голову, Александр вздрогнул от неожиданности, встретившись взглядом с откуда-то появившимся местным жителем. Это был сурового вида мужик с большой квадратной головой и тяжёлыми прямыми бровями, из-под которых сверкали серые глаза.

— Тут нет воды, иди в другой колодец. Вон там, — толстым пальцем мужик ткнул в направлении центра поселения. — Это ты утром приехал?

— Ну допустим, я, — недоверчиво ответил Александр.

— Кондрат, — мужик протянул широкую мозолистую ладонь, — я на деревне староста. Будут вопросы, заходи.

— А то ж, обязательно! — кивнул Александр, а про себя подумал:

«Вопросов-то куча, вот только дашь ли мне на них ответы или, как и остальные, вилять будешь?»

Александр направился к другому колодцу, что находился чуть дальше по улице, ощущая, как острый взгляд серых глаз буравит спину. Когда же дошёл, обернулся: одинокая фигура до сих пор стояла у обочины, вот только это был уже не Кондрат — теперь за Александром наблюдало огромное, горбатое существо на птичьих ногах. Какое-то время человек и монстр смотрели друг на друга, а потом существо развернулось и заковыляло в туман. Вытерев со лба холодный пот и пытаясь волевыми усилиями подавить нервную дрожь, Александр наполнил ёмкость и поспешил домой, одной рукой везя телегу с бидоном, а другой —

сжимаемая рукоять пистолета. Монстр в чёрном саване пропал, как пропал и колодец, к которому Александр подошёл вначале. «Вот это заглохло!» — решил он, проходя мимо теперь уже пустого клочка земли, покрытого сухой травой.

Только оказавшись в избе и закрыв дверь на щеколду, Александр вздохнул с облегчением. В печи потрескивали поленья, и звук этот успокаивал нервы. Здесь, наконец, удалось почувствовать себя в безопасности. Сел на лавку и прислонился к стене. Попытался отогнать прочь образ монстра, до сих пор стоявший перед глазами. Вечерело, в избе становилось темно, и только свеча в алюминиевой кружке неровным пляшущим огоньком пыталась разогнать мрак.

Мария подошла и присела рядом, от неё веяло теплом и домашним уютом.

— Ты не волнуйся, — заботливо произнесла девушка, — люди у нас на вид суровые, но на деле всегда помогут, случись что. Со временем привыкнешь.

— Он тут, — тихо произнёс Александр.

— Кто?

— Горбатый. Он в торговом центре был, помнишь? А ещё у меня дома на кухне. Как он тут оказался, и что ему нужно?

— Это только ты можешь сказать, тебе же он видится.

— Опять загадки, — Александр разочарованно вздохнул, облокотился на стол и от нечего делать стал крутить кружку со свечой — пламя задёргалось сильнее.

— Нет никаких загадок, Саша, — Мария взяла его за руку, — скоро и сам это поймёшь.

Александр повернулся к девушке:

— Почему я здесь? Зачем ты меня сюда привела? Вчера ты обещала ответы.

— Может быть, затем, что тут твой дом?

— Нет, мой дом остался там.

— Там больше не твой дом, да он и никогда не был твоим. Он умер, как и твоя семья.

Александр вдруг встrepенулся и схватил собеседницу за плечи:

— Ты что-то об этом знаешь? Ты знаешь, кто их убил? Это он? Горбатый?

— Успокойся! — девушка строго посмотрела на него. — Ты живёшь в прошлом. Но того, что было уже нет, разве не понимаешь? Так какой смысл держаться за старое, какой смысл ломать голову над тем, что когда-то было и что уже не изменить? Теперь ты здесь и скоро привыкнешь к этому.

— А если нет? Когда всё уляжется, я уеду обратно, — Александр отпустил её и, вновь прислонившись к стене, стал разглядывать потолок. В помещении стало совсем темно, свет от свечи плясал на стенах и мебели, и длинные тени сливались с темнотой в углах.

— Да ради Бога! Тебя никто не держит, — пожала плечами Маша. — Хоть завтра иди. Только для начала задумайся, что хочешь в жизни? Куда стремишься? Там ли оно?

— Я не знаю, — устало ответил Александр.

— Возможно, пришло время заглянуть вглубь себя и ответить, наконец, на этот вопрос? — Мария встала. — Я тебе в ближней комнате постелю кровать.

Александр остался один. За окном сгущалась тьма, и было жутковато туда смотреть, зная, что по деревне бродит монстр. Встал и задёрнул занавески.

И тут взгляд упал на телефон с наушниками, который Маша оставила на столе. Она почти не расставалась с ним, что было обычным делом для городского обывателя, но здесь, в месте, где нет даже электричества, чтобы зарядить батарею, данный предмет выглядел чужеродным элементом. Прежде у Александра не было времени об этом задумываться, но

теперь ему показалось странным наличие в избе современного гаджета. Взяв смартфон, попытался включить, но тот не включался: в батарее ожидаемо не было заряда. Тогда Александр поднёс к уху наушник. Оттуда шли помехи и короткие сигналы, время от времени прерывающиеся человеческими голосами, что звучали тихо, будто издалека, пробиваясь сквозь толщу огромную пространства. Напрягая слух, Александр всё же смог различить отдельные слова: в основном это были технические термины, будто по рации переговаривались станционные диспетчеры или экипаж какого-то транспортного средства.

Мария тихо подошла сзади. Не сказав ни слова, она взяла гаджет из рук Александра.

— Телефон не работает, — неуверенно произнёс он.

— Работает, — возразила девушка, сматывая наушники.

— Откуда эти голоса?

— С «Пожирателя-275».

Александр удивлённо поднял брови, ожидая дальнейших разъяснений.

— Ложись спать, — вместо этого сказала Маша. — Мы тут рано встаём, это тебе не город.

Александр послушно побрёл в комнату. Казалось, он уже смирился с тем, что ему никто ничего не рассказывает. Разделся и лёг в кровать, простынь отдавала запахом старья, но всё же была чистой, на душе стало хорошо и спокойно. Пистолет положил на тумбочку рядом.

Александр уже начал проваливаться в сон, когда дверь скрипнула. Он инстинктивно потянулся за оружием, но остановился: в комнату вошла Маша. Она была в одной ночнушке. Подойдя к кровати, девушка молча сняла последнюю одежду и, откинув одеяло, легла рядом.

На следующее утро Александр и дед Игнат ремонтировали забор. Со вчерашнего дня туман не только никуда не пропал, а наоборот, стал только гуще. Серая субстанция облепила дома и деревья: казалось, протяни руку, и сможешь к ней прикоснуться — настолько плотной она выглядела. И не нельзя было знать, кто или что находится в паре десятков метров от тебя. Александр старался не думать об этом, но никак не мог выбросить из головы вчерашнее появление монстра, никак не мог отделаться от мысли, что существо бродит неподалёку.

В дымчатой пелене показались очертания двух человек, идущих по грязной дороге со стороны деревни. Приближаясь, фигуры делались чётче, и наконец, появилась возможность их рассмотреть. Первого Александр узнал сразу: приземистый широколицый мужик был никем иным, как охотником Гаврилой, с которым довелось познакомиться вчера возле автобусной остановки. Сегодня на нём была камуфляжная военная форма старого образца и высокие сапоги, а из-за спины торчал ствол охотничьей винтовки. Вторым оказался молодым парнем, на вид лет двадцати — высокий и нескладный, с веснушчатым лицом и скошенным подбородком. Выступающие передние зубы, постоянно приоткрытый рот и косящий левый глаз делали его выражение лица глупым и отталкивающим. Одет он был в военные штаны и бежевую холщовую штормовку, за плечом так же висело ружьё.

— Здоров, мужики! — крикнул Гаврила. — Как дела?

— Да вон забор латаем, — кивнул на покосившуюся ограду дед Игнат. — А ты, поди, с Мишкой на охоту собрался?

— Ага, решили сходить, — широкое лицо Гаврила неприятно осклабилось. — Третий нужен. Вон, может Санька нам компанию составит? Всё-таки надо познакомиться поближе, верно? Посидим, поболтаем, выпьем по стопочке на природе.

Александр насторожился. Ему не раз приходилось приглашать людей в лес, но его — никогда. Возникли нехорошие мысли.

— Да расслабься, — усмехнулся Гаврила, увидев сомнение на лице Александра, — у нас всё с собой, — он кивнул на вещмешок за спиной, — а ружьё Игнат одолжит. Дашь ведь человеку свою вертикалку?

— А чо ж нет, пуцай поохотится малясь, — одобрительно сказал старик, — обращаться-то умеешь? Не сломаешь?

— Мне приходилось иметь дело с оружием, — успокоил его Александр, — не волнуйся.

— Ну кто вас, городских, ведаёт? Лады, тогда мои чоботы надень, сыро в лесу-то, поди.

Вскоре Александр был снаряжён для охоты: за спиной у него висело гладкоствольное ружьё с вертикальным расположением стволов, а на поясе — патронташ. Обулся в резиновые сапоги деда Игната, которые на толстый носок оказались как раз в пору. И вот он уже шёл с новыми знакомыми в сторону церкви, за которой начинался лесной массив. Как и предупреждал старик, тропинка оказалась узкой, она пролежала по земляной насыпи посреди топи.

— Небось, нечасто выбираешься в лес? — спросил Гаврила, когда избы окончательно пропали в тумане.

— Бывает, — осторожно ответил Александр, гадая, с подвохом ли вопрос. Ему всё больше казалось, что в этой деревне про него все всё знают, вот и эта фраза как бы намекала

на некоторые события, о которых говорить не хотелось.

— Правильно, конечно, надо выбираться, иначе совсем стухнешь в четырёх стенах. Не завидую вам, городским, я бы теперь не смог там жить. Иное дело, тут. Пусть трудновато порой, но зато душа отдыхает, так сказать, дышит полной грудью. А в городе — задыхается. Верно же, скажи?

— Может и так.

Рассуждения охотника навеяли воспоминания о доме, и Александра обуяли тяжёлые мысли.

— Город — это тюрьма, — Гаврила шёл впереди и не видел помрачневшее лицо собеседника. — Ты там в постоянном круговороте, и время летит, как пуля. Не замечаешь его совершенно. Миг прошёл — вот уже и жизнь мимо промчалась.

— А ты жил, что ли, в городе? — поинтересовался Александр.

— Ещё бы! Я, как и ты, по молодости сюда приехал, да и решил остаться. Понравилось, знаешь. Поначалу отсутствие электричества напрягало, конечно, но потом понял, что и без этого жить можно.

— А я хочу в город, — заявил Мишка, — скучно тут.

— Дурень ты, — обругал его Гаврила, — куда тебе, бестолочь? Какой город? Матери помогай. Вот молодёжь-то: только бы развлекаться.

Парень понурился.

Миновали церковь. Она расположилась прямо посреди болта на мелкой возвышенности, рядом белело несколько тощих берёзок. Огромный ржавый замок висел на двери: отца Пафнутия на месте не было. Храм имел компактные размеры, а стены прорезали маленькие окошки. Он находился в сильно запущенном состоянии: купол поржавел, а штукатурка местами обвалилась, обнажив кирпичную кладку. Со стороны могло показаться, что здание заброшено, и так бы Александр и подумал, если б не знал, что в деревне есть священник, который проводит тут службы.

Тропа же повела дальше, и вскоре в тумане показалась тёмная громада леса. Компания взобралась на пригорок и углубилась в чащу. В полной тишине раздавались их шаги, дыхание и побрякивание амуниции. Ветра не было, деревья замерли, будто в летаргическом сне, лишь иногда одинокий лист отрывался от ветки и медленно падал, кружась и извиваясь в неподвижном воздухе. Свет пробивался в прогалы ветвей, что сплетались над головой хаотичными хвойно-лиственными узорами, тонущими в белой дымке. Там, наверху висело солнце, но оно навсегда было скрыто от человеческих глаз. Рядом с тропой тянулась заросшая колея, некогда проложенная тракторами и тягачами, в ней не первый год болотилась зелёная вода: почва тут была глинистая, и влага сохла долго, а в лесу большие лужи так и вообще могли стоять до окончания времён.

— А чего не уедешь в город? — спросил Александр молодого охотника. — Учиться бы поступил.

— У него мать старая, — ответил за парня Гаврила, — да и никуда он не поступит: дурак же. Читать-то, дай Бог, по слогам читает. А что его в городе ждёт? За грош ишачить? Тут вон и огород свой и скотина — что ещё надо?

— Не дурак я, дядь Гаврила, — запротестовал Мишка, — чаво обзываешься? А тут ни друзей, ни бабы нет. Как жить-то?

— Ну вот как ни дурак, коли дурак? Да и зачем тебе? Друзья только с панталыку сбивают, а от баб проблемы одни.

— А дети как же? До конца жизни что ли бобылём ходить?

— Господи, вот молодёжь-то, — вздохнул Гаврила. — Да будет тебе всё, будет. В своё время только.

Александр отодвинул ветку, которая оказалась прямо перед носом. В лесу было сыро, и он порадовался, что надел резиновые сапоги. Опавшие листья вперемешку с рыжей глинистой грязью липли на подошву.

Охотники прошли по окраине утыканного пнями поля, посреди которого обосновалось ржавое туловище «Камаза»-лесовоза.

— Лес раньше тут рубили, — объяснил Гаврила, — у нас в деревне даже мебельная фабрика имелась. Всё закрыли!

Снова углубились в чащу.

— А ты чем раньше занимался? — продолжал расспросы Гаврила.

— Разным, — ответил Александр. — Последние годы слесарем на заводе работал.

— Пролетарий, значит — это хорошо. Я ведь тоже в своё время за станком вкалывал. И знаешь, какая неприятность случилась? Потерялся я однажды. В жизни потерялся, запил, да так, что до белой горячки. Вот нажрался один раз в хлам, да в лес отправился, по дороге паренька одного встретил, рассказал ему всё, так, мол, и так...

— А он что?

— Он... Да ничего. Хорошо, когда есть, кому выговориться. Ну и уехал я. Родственники тут, а может и не родственник, хер пойми. Да только не имеет это уже никакого значения.

Александр почувствовал, что охотнику воспоминания не приносят радости, и в этом они были похожи — обоим прошлое доставляло страдания, оба хотели убежать от него.

— И ты не хочешь вернуться?

— А какая разница? Всё равно никуда нам не уйти. Нас всех подавил тот мир, тот безжизненный механический мир, который неотвратно движется неизвестно куда. А мы не движемся больше, мы остановились. И знаешь, в каком-то смысле, это правильно. Ведь человек должен быть частью природы, но вместо этого он настроил машин и агрегатов, и стал частью их. И теперь не они нам служат, а мы им. Им и тем, кто всем управляет — мы просто винтики. И вот этот дурень ещё куда-то рвётся, — Гаврила кивнул на Мишку, что брёл позади всех.

— Ты много чего видел, а я — нет, — возразил парень, — ничего кроме двух улиц, трёх домов и болота. Одно развлечение — в церковь сходить, послушать, о чём поп триндит, да и то осточертело.

— Да на что там смотреть: всё одно. Такие же дома, такие же люди — ничего нет нового под Солнцем. Верно, Санька, я говорю? Может, ты объяснишь этому олуху, а то меня совсем перестал слушать, хоть кол на голове теши.

— Похоже, что так, — задумчиво произнёс Александр, — а может, и нет. Если б город не опустел, я бы сюда не поехал.

— Да ну тебя, тоже нихрена не понимаешь, — махнул пухлой ладонью Гаврила, а затем обратился к обоим спутникам:

— Так, мужики, разделимся. Я туда, а ты с Мишкой — в эту сторону. Встречаемся здесь, как темнеть начнёт.

Александр и Мишка побрели сквозь чащу. Александр вглядывался в туман и деревья, но видимость была по-прежнему очень слабой. Трава тут почти не росла, а землю укрывала старая хвоя и опавшие листья, охотники ступали по ним, будто по мягкому ковру, хрустя

сухими ветками. Временами приходилось пробираться через заросли кустарника. Александр мало знал про охоту, но по рассказам знакомых представлял процесс немного иначе. Пока же они просто шли напрямик сквозь лес при почти нулевой видимости, и чем дальше шли, тем больше Александр подозревал недобрую затею.

Мишка первым завёл разговор:

— Повезло тебе.

— Чем же?

— Чем... устроился хорошо. И дом, и баба — всё тебе.

Александр почувствовал недобрые нотки зависти в голосе парня, а потому решил не спускать с него глаз.

— Ты знаешь, что у меня пару дней назад случилось? — сказал он. — Вряд ли это можно назвать везением.

— И что случилось? — на глуповатом лице молодого охотника мелькнуло любопытство.

— Мне казалось, вы тут всё знаете.

— Это с чего же? — удивился Мишка.

— А пёс вас знает.

Шли дальше.

— Она ведь, никогда на меня внимания не обращала, — парень рассуждал, будто сам с собой. — Наверное, рожей не вышел, или, как дядя Гаврила твердит, и правда, дурак.

Александр понимал, о ком идёт речь. Он стараясь держаться чуть позади Мишки, не упуская из виду ни одно его движение.

— На кого охотиться-то собрался? — вдруг спросил Александр.

— Посмотрим, — парень мрачно покосился на спутника.

Дошли до охотничьей вышки. Это был небольшой помост с крышей, расположенный на высоте нескольких метров над землёй. Мишка велел лезть наверх, а сам сказал, что прогуляется по округе, и пропал в тумане. Александр остался ждать. Сидел он долго, успев за это время промёрзнуть насквозь, но напарник возвращаться не торопился. Уже и солнце начало клониться к закату, а парня всё не было. Позвав его несколько раз, и не дождавшись ответа, Александр спустился с вышки и пошёл обратно, ругая про себя обоих охотников, лес, сумерки и собственную глупость. Было ясно, что его бросили, вот только зачем — оставалось загадкой.

Пробираясь через осенний лес, Александр в какой-то момент понял, что заблудился. Местность он не узнавал, ориентиров никаких вокруг не было, а с каждой минутой в чаще становилось всё темнее. Успокаивало только наличие ружья, которое теперь он на всякий случай держал в руках. Брала досада при мысли о том, что ночь придётся провести в лесу. Кроме того, появилось странное ощущение постороннего присутствия, будто кто-то неотступно шёл позади. Александр несколько раз оборачивался, но никого не видел, однако чувство не пропадало.

Добравшись до лесной балки, решил пойти вдоль неё. Потеряв всякую надежду выбраться сегодня из леса, Александр думал лишь о том, как бы окончательно не заплутать. И тут перед взором предстала странная картина: в низине на поваленной сосне пристроился человек. Он сидел спиной, но на шаги и треск сучьев никак не среагировал. Даже когда Александр позвал его, мужчина не пошевелился. У ног незнакомца лежало что-то большое размером с человеческое тело. Удивлённый такой необычной встречей, Александр стал

спускаться. Он был уже недалеко, когда мужчина встал, вытер о землю, а затем положил в барсетку какой-то предмет, и пошёл прочь, быстро растворяясь в сумерках. Он хотел вновь окликнуть незнакомца, но звуки за спиной отвлекли.

Когда Александр обернулся, на лбу его выступил холодный пот: выше по склону стояла огромная, в полтора человеческих роста, бесформенная туша, обёрнутая чёрной тряпкой. В пустоте, что зияла вместо лица, обитало Абсолютное Ничто, и Александр чувствовал, как душу пожирает бездна, смотрящая на него почти в упор. Машинально нажал на спуск и отпрыгнул назад. Гром выстрела эхом пронёсся над лесом. Нога поскользнулась, и Александр, покотившись по крутому склону, ударился затылком о камень и потерял сознание.

Очнулся он от того, что кто-то тряс за плечо. Открыв глаза, увидел над собой широкую физиономию Гаврилы — охотник выглядел встревоженным. Мишка сидел рядом на кортах. На траве стояла масляная лампа, освещающая кусок ночного леса.

— Никак оклемался? — воскликнул Гаврила.

Голова раскалывалась. Александр приподнялся и ощупал затылок, рука оказалась в крови.

— Неслабо шандарахнулся, — заметил охотник, — как же тебя угораздило-то?

— Тут был человек, — Александр поморщился от боли, — и, кажется, чьё-то тело.

— Померещилось, — констатировал Гаврила, — нет тут никого, только мы. В темноте-то разное привидеться может.

Александр начал злиться. Загадки, недомолвки, видения — всё это раздражало, хотелось обратно в нормальный мир, где нет такого безумия.

— А может, и вы мне мерещитесь? И эта проклятая деревня? — вскипел он. — Говорю, там, на бревне, сидел человек. И горбатый монстр тут был: прямо передо мной из ниоткуда возник. Я поэтому и споткнулся.

— Ты не заводись, — нахмурился Гаврила, — орать ни к чему. Лучше по порядку всё расскажи.

Александр вкратце описал случившееся, и Гаврила внимательно выслушал его.

— Понятно, — сказал охотник. — Всякое бывает: может, тебя гнетёт что или воспоминания какие. Не бери в голову. А монстр... У каждого из нас свои монстры. Что поделаться? Надо с ними жить, и никуда от этого не денешься.

— Да ну тебя, опять загадки, — Александра поднялся с земли, отряхиваясь от налипших листьев, голова немного кружилась, но идти он мог.

На улице совсем стемнело, и надо было спешить домой. Возвращались с пустыми руками: охота оказалась неудачной для всех. Пройдя вдоль балки, компания выбралась напрямиком на тропу, до которой Александр не дошёл совсем немного, и тут его взгляд упал на колючую проволоку, натянутую рядом с дорожкой.

— Что за колючкой? — поинтересовался он.

— Там? Ничего, — равнодушно ответил Гаврила.

— Как, совсем?

— Ну да, там край, за ним ничего нет, пустота.

— Что за ерунда? Как такое возможно? — возмутился Александр, недовольный очередной загадкой.

— А я тебе академик что ли? — рассмеялся Гаврила. — Это не ко мне вопросы. Откуда же я знаю, как?

Домой Александр вернулся поздно. Когда он вошёл в избу, Мария сидела в наушниках

за столом и даже не обратила на него внимания. Как и вчера, комнату освещала одинокая свеча в алюминиевой кружке.

— Что слышно? — спросил Александр, кивая на телефон.

— Они приближаются, — ответила девушка.

— Зачем тебе это? Там же ничего нет, кроме помех.

Маша молчала, уставившись в чёрный экран неработающего гаджета.

Александр снова почувствовал раздражение. То ли ушибленная голова явилась тому причиной, то ли целый день бесполезных скитаний, но внезапно его начало злить, что Маша сидит без дела и слушает загадочные голоса в наушниках. А ещё злило, что телефон не работает, а значит, и голосам идти неоткуда, но они шли. И никакого края земли быть не должно, а возможно, не должно быть и этой деревни со всеми её обитателями. Но это всё существовало, а Александр до сих пор не понимал, почему и как.

Он отправился в комнату и сел на кровать, борясь с подступившими эмоциями. Вспомнил о колючей проволоке. Что за ней находится, он совершенно не представлял, но внутреннее чутьё подсказывало: за ответами надо идти именно туда.

Маша продолжала сидеть на кухне, и Александр уснул один.

Ночью очнулся от странного ощущения, будто что-то пошло не так. Захотелось выйти на свежий воздух, и он, надев штаны и толстовку, пошёлёпал босиком на кухню. Маша сидела за столом абсолютно неподвижно, она не откликнулась, когда Александр позвал её, а когда тронул за плечо, девушка только посмотрела на него пустым взглядом, от которого по коже пробежали мурашки.

Вышел в тамбур и открыл уличную дверь. Холодный порыв ветра влетев внутрь, пробрав до костей. Александр не увидел ни двора, ни забора с калиткой, ни деревни. Даже звёзды пропали с неба. Вокруг было пусто и темно. Издалека доносился механический гул, монотонный и бездушный, похожий на тот, который слышался в день, когда опустел город. А внизу зияла бездна, и в этой бездне горели огни города, расчерченного оранжевыми прожилками улиц. Улицы тянулись до горизонта и исчезали во тьме, будто там их пожирало нечто, невидимое глазу. Город исчезал медленно, но неотвратно.

Александр закрыл дверь. На кухне, как всегда, трещали дрова в печи, а огонь гудел, поблёскивая сквозь щели заслонки. Тут было уютно и спокойно, тревоги и неприятные воспоминания улетучивались, как дым, оставляя сознание в тишине. Раздражение прошло. Александр вернулся в комнату. Маша уже лежала под одеялом лицом к стене, он пристроился рядом и обнял её, ощутив подле себя тепло мягкого женского тела. На душе стало хорошо.

В воскресенье люди с самого утра потянулись в храм. Александр не испытывал интереса к обрядам, культам и всему, что с ними связано, но отец Пафнутий лично пригласил к обедне, а потому стоило разок появиться из вежливости.

После неудачно охоты прошло два дня, но за это время ничего знаменательного не случилось. Александр помогал деду Игнату по хозяйству. Они подняли пол, и изба уже не выглядела столь плачевно, однако старик всё равно собирался перестраивать дом следующим летом, и был непомерно счастлив появлению лишних рабочих рук.

— А скоро правнуки пойдут, — приговаривал он, — так и вообще заживём!

Дед Игнат не любил сидеть на месте — жизнь приучила не бездельничать и не лениться. Лет ему было за семьдесят, но не смотря на возраст, старик имел кучу планов на ближайшие годы, полагая, что только сейчас жить начинает. Впрочем, его добродушный, весёлый характер порой омрачался ворчливым настроением, и тогда он мог часами гундеть про то, как хорошо было раньше, и как потом всё развалили. Кто развалил, понять было не возможно, да и вряд ли это имело значение.

А вот Маша оказалась полной противоположностью дедушке: она была замкнута и постоянно находилась в собственных мыслях; иногда она делала что-то по хозяйству, но чаще сидела в наушниках, слушая помехи и переговоры с «Пожирателя», а порой уходила и пропадала часами неизвестно где. Александр не понимал, как можно проводить время за такими бессмысленным занятием, и это раздражало его, хоть он и молчал.

— Да что ты всё сидишь? — однажды не выдержал он. — Хватит слушать, иди займись чем-нибудь полезным. Эдак свихнуться можно.

Девушка нахмурила брови, посмотрела на Александра с упрёком, и тому оставалось только рукой махнуть:

— Делай, что хочешь.

Но гораздо больше Александра заботило другое. Первым делом он намеревался снова сходить в лес. После возвращения с той странной охоты, проволочное ограждение возле оврага и слова Гаврилы о крае земли не давали покоя. Александр полагал, что должен непременно попасть туда и собственноручно разведать обстановку. Кроме того, следовало заглянуть к Кондрату, в надежде на то, что этот угрюмый мужик окажется сговорчивее остальных и даст ответы. Вот только дел по хозяйству было много, и Александр постоянно откладывал планы на потом, а проснувшись в воскресенье утром, и вообще забыл о них. Жить в неведении было спокойнее; волнения и тревоги остались далеко в прошлом, и возвращаться к ним желания не было. Предыдущая жизнь постепенно испарялась из памяти, будто сон, который стремглав улетучивается из головы, стоит открыть глаза. И в какой-то степени это радовало: прошлое несло лишь боль и разлад в душе — оно было не нужно. Переставали волновать туман и странные жители, пропало ощущение ненормальности происходящего, да и монстр больше не показывался, и Александр постепенно перестал о нём думать. Страхи улеглись, и не было никакого желания их возвращать.

Сегодня на службе он увидел всех обитателей деревни. В церкви собралось несколько мужчин и женщин, в основном старше сорока лет, пара молодых парней, мальчишка лет двенадцати и с десяток стариков — всего человек тридцать. Он с любопытством осматривал жителей: многие были помечены худобой, будто питались впроголодь, а на лицах лежали

печати душевных терзаний, физиономии же других были обрюзгшими, пропитыи, словно люди годами не выходили из запоя. Селяне в большинстве своём выглядели поникшими и жалкими, лишь немногие, вроде деда Игната, сохраняли бодрость духа.

Церковь тоже производила гнетущее впечатление: штукатурка внутри потемнела от времени, а с потрескавшихся икон на прихожан смотрели выцветшие лики святых. Не было ни золота, ни роскошного убранства, краска с настенных росписей отколупывалась, утварь пропахла стариной, а полумрак едва разгонялся свечами вдоль стен и светом из маленьких окошек. Когда Александр вошёл внутрь, храм ему показался склепом, а богомольцы — сборищем мертвецов. Службу и сопутствующие обряды проводил отец Пафнутий, других священнослужителей тут не было.

В конце литургии люди выстроились в очередь за причастием, но Александр остался в стороне.

— Чаво не идёшь-то, — шёпотом спросил дед Игнат.

— Пустое это для меня.

— Аль не веруешь?

— Может, и не верую, что из того?

Игнат только рукой махнул.

После причастия селяне потянулись к выходу. Александр собрался уходить вместе со всеми, но отец Пафнутий окликнул его.

— Заметил, ты не принял Святое Причастие, сын мой, — в голосе его звучало скорее любопытство, чем упрёк.

— Верно заметил. Для меня эти вещи не имеют значения.

— Отчего же? Во спасение не веруешь? — отец Пафнутий хитро посмотрел на собеседника и слегка улыбнулся. Священник, как всегда, был одет в чёрную рясу, но сегодня его наряд дополняла голубая епитрахиль, расшитая узорами, при ближайшем рассмотрении столь же древняя, как и убранство церкви.

— Нет, не верую я ни во что, — Александру хотелось поскорее закончить разговор и уйти.

— Думаешь, ерунда это?

— Без понятия. Не видел я ваших богов, и не интересны мне они.

— Так и что с того? Воздух тоже не видим, — прибегнул к стандартному доводу отец Пафнутий.

— Ага, и электричество, особенно в вашей деревне. В общем, пустое это. Если что-то есть — оно есть, если нет — то нет. А с вашим Богом непонятно. Слова одни. А зачем словам верить? Мне знать надо. А пока не знаю, так и разговоры бесполезны, — подытожил Александр, ставя точку в дискуссии, но отец Пафнутий вдруг перестал улыбаться и произнёс со всей серьёзностью:

— А если я покажу тебе Бога?

Александр задумался, это было похоже на какую-то уловку.

— Заманчивое предложение, — сказал он. — Вот только никто ни одного бога нам не продемонстрировал: только разговоры умные ведут, а как до дела доходит — сразу в кусты. Сомневаюсь, что и ты сможешь это сделать.

— А зря. Возможно, ты и сам Его видел, просто не понял, что это Он.

— А раз не понял, может и не Бог то был, а что-то другое?

— Коли узнаешь, так и поймёшь, — отец Пафнутий снова скривил в ухмылке тонкие

губы.

— Ну так расскажи, — Александру порядком надоел бессмысленный диалог, как и ужимки священника.

— Обязательно, но всему своё время, сын мой.

— Что ж вы за люди такие, всё скрываете постоянно, — пожал плечами Александр, — и ты туда же.

— А смысл? Рассказов много, но сам говоришь, зачем словам верить? Самому постигать надо, только не каждый хочет: в неведении-то жить легче и приятнее. Вот скажи: что бы ты желал? По-настоящему, а не на словах? Ты же не ищешь ответов: думаешь забыться, чтоб прошлое не донимало. Так ведь?

— Знаешь что, — Александр потряс указательным пальцем, — хватит мне в голову лезть. Сам не знаешь, чего несёшь, лишь бы потрепаться. Не собираюсь я приобщаться к твоей религии, уж извиняй. А ответы я всё равно найду.

— Как скажешь, — отец Пафнутий сцепил руки на животе, — если найдёшь — хорошо, значит, я в тебе не ошибся.

— Ладно, некогда мне: скотину надо кормить.

— Это да — дело важное, — снова улыбнулся священник. — Ну, значит, с Богом!

— Тебе того же, — бросил равнодушно Александр и вышел из тусклого помещения в туман.

Он намеревался отправиться домой, но дойдя до распутия, остановился. В одну сторону дорожка вела к деревне, в другую — в лес, к проволочному ограждению и краю земли. И тут Александр осознал, что если сейчас пойдёт домой, то окончательно погрязнет в быту и никогда больше не вернётся к колючей проволоке. Неужели священник прав? В глубине души Александр действительно желал оставаться в уютном и беспечном неведении. «Но разве так должно быть?» — спрашивал он сам себя, и понимал, что нет. Собрав волю в кулак, повернул в сторону леса. Деревня и храм остались позади, а впереди ждали ответы.

До ограды быстрым шагом было идти от силы пару часов, и Александр надеялся вернуть домой до наступления темноты. По дороге он вспомнил, что не взял оружие, но всё равно продолжал идти вперёд, опасливо озираясь по сторонам. Без пистолета или ружья в лесу казалось страшновато: по словам местных, тут водились не только кабаны, но и волки, и даже медведи порой встречались. Хотя сам Александр не видел ещё ни одного животного, даже птиц в лесу не было слышно. Вокруг, как и прежде, стояла мёртвая тишина, а тропа вилась коричневой лентой среди травы и кустарника, и растворялась в тумане.

Наконец, впереди замелькали столбы с натянутыми на них рядами ошетинившейся колючки. Дальше дорога вела вдоль ограды, а потому Александр пролез между проволокой, умудрившись поцарапать руку и зацепить куртку, и двинулся напрямик через лес. Шёл долго, но вокруг ничего не менялось. Начали приходить мысли, что Гаврила обманул, и впереди была лишь бескрайняя тайга, где он заблудится и сгинет.

Вскоре между деревьями показался просвет, и Александр вышел на широкую просеку, заросшую молодняком. Ржавые конструкции опор линий электропередач, будто фигуры с раскинутыми в стороны руками, выстроились в ряд и свысока наблюдали за одиноким путником. Провода с них тоже были сняты, и теперь опоры ЛЭП являлись очередным памятником забытой цивилизации. Александр зашагал вдоль просеки, и когда он увидел обрывающийся впереди лес, сердце застучало, как отбойный молоток. Было страшно и волнительно от того, что ждало за краем, а разум рисовал самые невероятные картины.

Но за краем висела стена тумана. Что бы там не находилось, плотная завеса скрывала это от человеческих глаз. Александр не мог поверить увиденному: он ожидал нечто невероятное, неожиданное, шокирующее, но тут был лишь белый дым. «Шутка какая-то, это же просто большой овраг», — досадовал Александр, осознав, что путь оказался напрасным. Немного постояв на краю, повернул обратно. Внутри закипала злость: мир и люди будто издевались над ним. Казалось, даже туман насмеялся над попытками получить ответы.

Когда вернулся к ограде, там стоял человек. Нескладную тощую фигуру Мишки сложно было не узнать, и Александр снова пожалел, что не взял оружие. Казалось, парень замыслил недоброе, но ружья у него при себе не было, и это давало надежду на мирный исход встречи. Мишка топтался на месте, смущённо потупившись, выглядел он жалко и нелепо, а выражение лица казалось глупее обычного.

— Ты чего тут забыл? — Александр старался говорить, как можно твёрже и увереннее. — Чего один бродишь?

— Мне нужна помощь.

— И поэтому ты потащился за мной в лес?

— Да, — молодой человек усердно прятал глаза.

— И чем же я тебе помогу?

— Тем же, что и другим. Ты избавлял людей от непосильной ноши, избавь и меня.

Александр строго посмотрел на парня:

— Ты не понимаешь, о чём просишь.

— Прекрасно понимаю, не держи меня за дурака! — вспыхнул Мишка, и глаза его наполнились страданием. — Я не хочу здесь находиться, но и уйти не могу.

— Я тоже, — мрачно произнёс Александр, — и почему я должен тебе помогать?

— Почему? Потому что из-за тебя я здесь!

— Не мели ерунды, — разозлился Александр, — я тебя знать не знаю, и незачем меня обвинять в своих проблемах!

Мишка достал из кармана молоток и протянул собеседнику:

— Давай же! Ты же распоряжаешься нашими жизнями, как сам Господь Бог, так чего ждёшь? Хочешь, чтоб я тебя вынудил?

— Хватит! Я не буду этого делать и точка. У тебя ещё всё впереди, прекращай истерить!

Раздражение, вызванное бессмысленностью сегодняшнего похода, усугублялась назойливостью глупого молодого человека, и Александр с трудом сдерживал эмоции.

— Да, всё впереди, вся вечность! — не унимался Мишка. — Это никогда не кончится, понимаешь?

— Ничего я не понимаю и не хочу понимать. Задрали меня со своими загадками, я — домой, а ты можешь и дальше сидеть и жалеть себя, — с этими словами Александр развернулся и пошёл в сторону деревни.

Быстрые шаги за спиной заставили обернуться. Увидев занесённый над головой молоток, Александр машинально перехватил руку нападавшего, и ударом в челюсть опрокинул парня на землю. Инструмент отлетел в траву. Потирая ушибленный кулак, Александр собрался было продолжить путь, но Мишка вскочил на ноги и в его руке угрожающе сверкнул охотничий нож. Глаза парня казались дикими, а рот с большими зубами застыл в нелепом оскале. Но стоило ему двинуться вперёд, как Александр метнулся в сторону, схватил брошенный в траву молоток и швырнул в обезумевшего деревенского дурачка. Железная часть ударила Мишку по лбу, и он потерял сознание.

Александр проверил пульс: парень был ещё жив.

— Напросился же, — скривился от отвращения Александр, поднял молоток с дороги и, недолго думая, занёс его над головой лежащего.

Домой вернулся только вечером.

— Ты куда забельшился? — встретил его Игнат. — Весь день ищу. Отец Пафнутий сказал, ты ушёл после обедни.

Не ответив, Александр прошёл в дом, настроение было скверное. Сейчас он больше всего беспокоился о том, как бы с деревенские не связали пропажу парня с его походом в лес. Сложно было предугадать, на что пойдут местные жители, узнай они о содеянном.

Мария, как и прежде, села за столом в наушниках, и сегодня это злило сильнее, чем обычно.

— Хватит слушать помехи! — Александр грубо вырвал телефон из рук девушки и зашвырнул в угол. — Он не работает.

Маша вскочила с лавки:

— Это не твоё дело! Кого ты из себя возомнил?

Пререкания ещё сильнее взбесили Александра, и он в сердцах влепил девушке пощёчину, да так, что та еле удержалась на ногах.

Маша медленно подняла голову, держась за ушибленную скулу, в её глазах горел огонь злобы, готовый испепелить обидчика.

— Вон! — указала она на дверь. — Пошёл прочь отсюда.

Александр и сам опешил от того, что сделал, злость внезапно схлынула, и теперь он стоял растерянный, не зная, как оправдаться. Он просто сорвался, не смог себя сдержать, как это обычно и бывало.

— Прости, — виновато вымолвить он, — я... я не хотел.

Он шагнул к девушке, но та остановила его жестом.

— Вон отсюда! — грозно повторила она. — Проваливай!

— Я же сказал, это случайно получилось, — не сдавался Александр. — Но ты же сама себя ведёшь, хрен знает как. Что я должен думать? Я итак сегодня на нервах. Можешь ты это понять, в конце концов? Я бы никогда...

— И сколько же раз было это случайно? Уже не помнишь? А знаешь, почему твоя жена покончила с собой?

Александр побледнел, а Маша продолжала:

— Потому что поняла, наконец, кто ты такой, какова твоя истинная сущность, и что совершаешь, когда вместо работы едешь в лес с очередным попутчиком. Она всё выносила: грубость, синяки, побои. Но только не это!

— Хватит! — прикрикнул Александр, — Что ты вообще можешь знать? Кто тебе это натрепал? Мы любили друг друга. И я не получаю никакого удовольствия от того, что делаю. Но они сами просят, должен же кто-то облегчить их участь?

— Что я могу знать? Да всё! Здесь каждый всё знает. Довольно оправданий! Вспомни, когда ты первый раз убил человека? Что ты почувствовал? Тебе же ведь захотелось повторить, правда?

Александр вспомнил военную часть, где проходил службу, вспомнил того парнишку, которого они с сослуживцами забили до смерти. Парень был слаб, чем провоцировал постоянные издевательства над собой, но однажды он ни с того ни с сего начал

прекословить обидчикам. Тогда никто не узнал, что это сделал Александр с компанией старослужащих, а может и узнали, но решили дело замять. Но неужели всё началось именно тогда? Неужели Маша права?

— То была случайность, никто его не хотел убивать, — попытался оправдаться он.

— Мне всё равно, пошёл вон из моего дома. Ты тут никто, и не смеешь со мной так обращаться, — девушка была непреклонна.

— Да? И что ты сделаешь? Попробуй, прогони, — Александр тоже не собирался отступать без боя.

Маша опустила на лавку и, закрыв лицо руками, тихо заплакала.

— Зачем же ты так? — всхлипывала она. — Я думала, у нас всё будет хорошо. Неужели так сложно просто смириться, просто забыть о прошлом? Но нет, ты всегда останешься собой, куда бы ни пошёл — тебя ничего не изменит.

Александр стоял, скрестив руки на груди, и тут в коридоре зашкрипели половицы под чьими-то очень тяжёлыми шагами. Маша внезапно перестала плакать, отняла руки от лица и подняла голову, её губы застыли в злорадной усмешке.

— Лучше беги, — тихо сказала она.

По коридору кто-то шёл, и Александр уже знал, кто это; сердце сжалось и дико заколотилось, в животе похолодело, а ноги задрожали. Не дожидаясь появления существа, мужчина выскочил на улицу. Но когда он оказался во дворе, калитка распахнулась, и в неё вошёл Мишка. На лицо парня из проломленного черепа стекала густая кровавая масса, а в глазах застыли тоска и боль.

— Не получилось, — простонал молодой человека. — И никогда не получится. А всё ты виноват!

Александр метнулся через двор, одним прыжком перемахнул забор, при этом чуть не подвернув ногу, и побежал. Он мчал, что есть сил, по задворкам, царапаясь о кусты и спотыкаясь о кочки, и только когда выбрался в центр деревни, остановился и стал судорожно оглядываться по сторонам. На остановке сидели несколько местных мужиков, они переговаривались между собой и, глядя на беглеца, посмеивались. Кинув на них злой взгляд, Александр потрусил в ту сторону, откуда его привезли на жёлтой «Волге», и вскоре деревня осталась позади. Он запыхался, но не сбавлял ходу: монстр снова был за спиной, снова преследовал, гоня прочь потусторонним ужасом.

Александр устал, ноги гудели, однако надо было идти, и он шёл, пока небо ни прояснилось рассветом, и ночная темнота ни сменилась привычной до боли утренней серостью. Когда туман рассеялся, это показалось чудом. Мерзкая пелена, наконец, освободила мир от плена, а природа вновь заиграла разноцветными красками уходящей золотой поры.

Впереди дорога и поле резко обрывались, и Александр понял, что его попытки убежать оказались тщетны: тут заканчивается земля, дальше не было ничего. Он подошёл к краю. Внизу расстилалась сизая дымка, а вдали, на горизонте, медленно полз огромный бесформенный механизм размером с город. Тысячи труб торчали из железного тела, выбрасывая в воздух клубы густого чёрного дыма, а из утробы железного исполина доносился и монотонный механический гул.

— Теперь-то видишь, что отсюда нет пути? — голос за спиной заставил обернуться. Деревенский староста Кондрат стоял рядом, впери в беглеца маленькие, серые глаза, придавленные тяжёлыми бровями. В руке он сжимал «Люгер». — Как ни беги, от себя не

убежишь.

Александр сглотнул, понимая, что ему конец.

— Хоть скажи напоследок, что всё это значит? — спросил он тихо.

— Сам увидишь, — Кондрат протянул пистолет Александру, и тот в недоумении взял оружие. Резкий толчок в грудь заставил отшатнуться назад. Оступившись, Александр сорвался напрямик в бездну и полетел вниз. Он падал и падал, казалось, целую вечность летел в бездонную пропасть, пока, наконец, не отключился.

Александр очнулся посреди улицы. Было тихо, только далёкий монотонный гул нарушал молчание города, да одинокий ворон о чём-то крича на своём вороньем языке, кружа в небе. Увидев, что человек зашевелился, птица улетела прочь. На дороге стояло несколько брошенных машин, вокруг серели пятиэтажки, да голые деревья слегка покачивали ветками. Неубранные листья лежали на асфальте, летали и кружились над тротуаром и проезжей частью, влекомые потоками ветра.

Александр поднялся на ноги, всё это время, пока лежал без сознания, он сжимал в руке пистолет. Осмотрев его и проверив патроны, — их было по-прежнему пять — убрал под куртку. В голове царил мешанина из мыслей и образов — пришлось потрудиться, прежде чем удалось восстановить последовательность событий, произошедших за последнюю неделю. На улице похолодало, температура стремилась к нулю, Александр втянул голову в плечи и поплотнее запахнул куртку. Низко, почти над самой землёй, волочились жирные, набрякшие серостью тучи.

Попытался понять, где находится. Сделать это получилось, только когда вышел на большую площадь с клумбой в центре, окружённую многоэтажками. На дорожном кольце стояли несколько брошенных машин и пара микроавтобусов, а у остановки застыл синий троллейбус и потерянно смотрел на мир недоумевающим взором круглых фар, отражающих всю внутреннюю пустоту и экзистенциальный ужас, вызванный отсутствием необходимости куда-то ехать.

Это был правый берег, он тоже опустел. Александр решил, что снова остался один, однако звук двигателя, пронёсшийся эхом в тишине опустевших улиц, говорил об обратном. Совсем близко за домами проехал грузовик. Александр побежал на звук, но не успел: машина уехала. Он ещё не знал, радоваться ли присутствию людей, ведь было не ясно, как они примут его. Судя по предыдущему опыту, случайные встречи в пустом городе не сулили ничего хорошего, и всё же бродить в одиночестве и неизвестности казалось ещё хуже.

Некоторое время Александр гулял по дворам, ища оставшихся жителей и думая, что делать дальше. Только сейчас он понял, что голоден, а потому первым делом решил озаботиться поиском пропитания. В данных обстоятельствах это не выглядело проблемой: продуктовых магазинов в городе было полно. На глаза почти сразу попался супермаркет, и Александр бодро зашагал к нему. Однако выбитые стёкла в раздвижных дверях заставили сбавить темп и насторожиться. Прислушался: из магазина доносились голоса. Он вытащил «Люгер», подкрался к двери, стараясь не наступать на осколки, и осторожно заглянул за угол. Отсюда хорошо просматривались кассы и часть торгового зала, где несколько человек, на вид студентов, загружали продовольствием телеги. Сложно было понять, много ли их, и есть ли у них оружие, но на всякий случай Александр решил не рисковать и поискать другое место.

Далёкие выстрелы в недрах пустых кварталов разорвали висящую над городом тишину, они красноречиво говорящих о том, что здесь теперь не безопасно. Проходя через двор, Александр заметил нескольких мужчин и женщину возле пассажирской «Газели», но приблизиться не решился, напоровшись на взгляды, которыми те провожали его, да и охотничья винтовка за спиной одного из жителей вызвала опасения.

Поблизости, за домами находился дом быта, ныне переделанный в торговый центр.

Яркие надписи и рекламные вывески украшали окна и серые панельные стены здания. Продовольственный магазин тут тоже имелся, и Александр, обойдя вокруг и не найдя признаков человеческого присутствия, разбил окно и залез в торговый зал. Товарные полки оказались нетронуты: никто сюда еще не добрался, а значит, магазин был полностью в распоряжении Александра. Набрав консервов и газировки и устроившись поудобнее в подсобном помещении, он принялся наворачивать гречку с тушёнкой, между делом прислушиваясь к звукам снаружи. Затем сложил несколько банок в найденный здесь же мешок, и направился к выходу.

Но стоило подойти к двери, как перед самым магазином резко затормозила чёрная «Ауди», из него выскочил молодой человек с дробовиком в руках и чуть ли не бегом направился к дверям, торопливо оглядываясь по сторонам. Александр вытащил «Люгер» и, не скрываясь, вышел на улицу, направив ствол на идущего к нему парня. Тот не на шутку перепугался, увидев вооружённого незнакомца, и в ответ направил на него дробовик.

— Я не хочу тебя убивать, я просто иду в магазин, — сказал он, — опусти ствол.

— Ещё чего? Вначале сам пушку убери, — Александр продолжал держать незнакомца под прицелом.

— И что тогда? Зачем нам кровопролитие? Давай разойдёмся по-хорошему.

— Согласен, но оружие я убирать не стану, — настаивал Александр.

Парень кивнул:

— Тогда я тоже.

Они начали медленно обходить друг друга, стараясь не делать резких движений. Видя, что встречный настроен не агрессивно, Александр решил воспользоваться моментом и расспросить его.

— Не в курсе, что происходит? Куда подевались люди?

Молодой человек продолжал двигаться в сторону магазина:

— Слушай, приятель, я знаю столько же, сколько и ты. Нам никто ничего не объясняет. А народ в основном в Октябрьский едет. Разве не слышал? Там временный лагерь.

Наконец молодой человек с дробовиком скрылся в дверях магазина, и Александр, вздохнув с облегчением, убрал пистолет за пояс и поспешил уйти с улицы. Если парень сказал правду, стоило озаботиться тем, чтобы найти машину. В лагерь идти не хотелось, но и оставаться в городе казалось сомнительной идеей: опасность тут могла поджидать за каждым углом. Проблема была в том, что, не смотря на обилие раскиданных по городу автомобилей, завести их без ключа Александр не мог, и как решить эту проблему, тоже не знал.

Так он и шёл, осматривая припаркованную технику и надеясь на счастливый случай, когда его нагнал чёрный «Джип». В нём сидели мужчина в очках и дородная женщина, и Александр сразу узнал их — это были те самые люди, с которыми он пытался заговорить в Макдональдсе наутро после происшествия. Мужчина высунулся из окна:

— Подвезти? У нас места есть свободные.

— Куда едете? — поинтересовался Александр.

— В Кемерово, а потом, может, и дальше, во Владивосток. Вообще, тут лагерь неподалёку для выселенных, но я бы не советовал туда соваться.

— Почему?

— Народу много. Да и вообще, чем дальше от города, тем безопаснее. Так едешь или нет?

— Ладно, погнали. Но мне нечем заплатить: кошелёк дома остался, а больше и нет ничего.

— Не забивай голову ерундой, — махнул рукой мужчина, — не всё деньгами меряется.

Александр залез на заднее сиденье, и внедорожник полетел по пустым улицам. Мужчину звали Станислав, а женщину — Вера. Это была бездетная семейная пара. Военным они не доверяли, а потом решили эвакуироваться собственными силами.

— По главной дороге не поедём, — объяснил Станислав свой план, — на трассах солдаты всех в лагерь сгоняют, да и заторы большие. Время потеряю только. Будем прорываться просёлками.

— А вы местный? — спросила Вера.

— Нет, — Александр замялся, думая, что ответить. — Не совсем. С того берега.

— А я вас, кажется, помню, — сказал Станислав. — Не вы ли месяц назад в Макдональдсе к людям приставали? Вы же с того берега, верно?

— Так меньше недели прошло, какой месяц? — Александр недоумённо уставился на водителя.

— Ну как же? Точно помню, это было в конце сентября, а сегодня уже двадцатое октября. Что-то вы путаете.

— Ладно, пусть будет месяц, — Александр решил не ломать голову над очередной загадкой, от которых и так мозг кипел. — Я вас тоже помню: вы убежали от меня, как от заразного.

— Да, не очень хорошо вышло, — согласился Станислав. — Должен извиниться перед вами. Но видите ли, военные тогда всех запугали, говорили, что люди с того берега — вроде как и не совсем люди, что они все с «Пожирателя», и общаться с ними не стоит. А у вас на лице к тому же кровь была. Ну мы и решили не связываться.

— Ладно, бывает, — Александр не таил на них злобы, тем более, эти двое сейчас помогали ему. — А что за «Пожиратель»?

— Да толком никто не знает. Механизм какой-то. Говорят все разное, а как на самом деле — непонятно.

Ехали в сторону Академгородка, других машин на дороге почти не было. Видели лишь пару легковушек, да один раз навстречу пронеслась колонна военных «Уралов», грозно сверкая зажжёнными фарами среди бела дня. Когда дорога пошла через лес, Станислав свернул с шоссе, и «Джип» бодро запрыгал по неровной колее.

— А куда люди исчезли? — продолжил расспросы Александр.

— Тоже никто не знает, — ответил Станислав, — Пропадают, будто их и не было. Ходят слухи, что их забирают «Пожиратели». Говорят, «Пожиратели» уже поглотили половину Земного шара.

— Бред какой-то. А что в новостях передают? Что в Москве делается?

— Москва давно умолкла, и телеканалы неделю, как не работают. Интернета тоже нет. Оторваны мы от мира.

Машину очередной раз тряхнуло, и все трое подпрыгнули, чуть не стукнувшись головами о потолок. Справа показались домики садового товарищества.

— Да не может такого быть! — возмутился Александр. — Как так получилось, что никто ничего не знал, и вот на тебе! Инопланетяне что ли прилетели, как в фильмах? Как подобное могло укрыть от наших глаз?

— Почему не может? — Станислав говорил совершенно спокойно, невозмутимо крутя

баранку мчащегося по колее внедорожника. — Обычно так всегда и получается: беда приходит с самой неожиданной стороны. Мы готовились к ядерной войны, метеориту, пандемии, а оно вон как, оказывается, закончится. Кто бы мог подумать? И ведь даже объяснить это не возможно.

— Но вы полагаете, что от «Пожирателей» можно спастись? Во Владивостоке эти шуки не достанут?

— Спасти? — удивилась Вера. — Нет, отнюдь. Вряд ли кто-то спасётся. Но делать что-то надо, не сидеть же на месте.

Они подъезжали к деревне, когда путь преградил импровизированный блокпост в виде военного «Газика» и трёх солдат в противогазах.

— Дорога закрыта! — объявил один из них. — Гражданским необходимо проследовать в посёлок Октябрьский. Там вас распределят.

— Но нам нужно в Кемерово, — попытался объяснить Станислав, на что боец тоном, не терпящим возражений, повторил требование. Пришлось разворачиваться.

— Долбанные военные! — возмущался Станислав. — Чёрти что творится!

Но обратным маршрутом не поехали, решили добраться до Октябрьского просёлками, в обход больших дорог. На одной из развилок увидели съехавший в кювет внедорожник с выбитыми стёклами. Кузов его был изрешечён пулевыми отверстиями, на открытой двери чернела кровь.

— Господи, что же делается-то! — запричитала Вера, рассматривая два тела возле машины. Третий убитый сидел, уткнувшись в баранку.

— Может, бандиты? — предположил Станислав.

Плутали долго, пару раз заезжали в тупик, снова встретили солдат, преградивших дорогу. В одной из деревень видели горящую машину, что дымила на всю округу. Со стороны города время от времени доносились выстрелы. Людей нигде не было.

— Будто в зону боевых действий попали, — ворчал Станислав. — Всю жизнь тут прожил, а теперь на тебе! Куда катится мир...

Как и предполагалось, на дороге, ведущей в Октябрьский, собралась пробка. Грузовики, легковушки и набитые людьми автобусы стояли двумя рядами впритирку друг к другу, отравляя воздух выхлопами. На перекрёстке пришлось ждать минут десять, пока пробка не продвинулась вперёд, и только тогда Станиславу удалось втиснуть «Джип» в общий поток. По встречной пустой полосе проехала пара бронетранспортёров, поблёскивая новенькой болотно-зелёной краской.

— Ничего не могут сделать по-человечески, — Станислав нервно выглядывал из открытого окна, словно пытаясь высмотреть конец пробки; он был очень недоволен тем, что не удалось обойти затор, и что вынужден теперь толкаться вместе со всеми на узком шоссе. — И куда там ехать в Октябрьском? Это же маленькая деревня, как там все поместятся? Ну и встрял же мы.

— Наверняка пропустят в Кемерово, — предположила Вера. — Не может же такого быть, чтоб не пустили.

— У нас в стране всякое может быть, — проворчал Станислав.

Пробка продвинулась ещё немного. Пред носом внедорожника маячил ЗиЛ с людьми в кузове, устроившимися на мешках и чемоданах. На улице было холодно, и они с завистью смотрели на тех, кому повезло оказаться в тёплых салонах.

Внимание привлекла возня и ругань впереди на дороге, Александр даже вышел

посмотреть, что происходит. Два водителя сцепились возле своих авто, кто-то полез их разнимать. Люди были на взводе, нервничали, обстановка накалялась с каждым часом, никто не знал, что ждёт дальше, но все были в курсе той угрозы, которая следовала попятам.

Поглазев на драку, Александр хотел было вернуться в «Джип», как вдруг увидел впереди, во втором ряду, жёлтую «Волгу» с оранжевым маячком на крыше. «Не может быть! А он что тут делает?» — подумал Александр и поспешил к такси, пробираясь между воняющими выхлопами машинами. Он готов был поклясться, что это та самая «Волга», и подойдя к двери, уже хотел окликнуть водителя, но остановился в замешательстве: за рулём сидел незнакомый таксист-таджик.

— А где Пётр Тимофеевич? — на автомате выпалил Александр, удивлённый таким поворотом.

— Кто? Не знаю таких, — с опаской посмотрел на него водитель.

— Извини, мужик, обознался. Знакомый у меня на такой же «Волге» таксует, вот и подумал, что это он. Сколько вы тут уже стоите?

— Да с самого утра! А кто и с ночи. Сам видишь, ползём, хуже черепахи.

Желая посмотреть, что творится дальше, Александр пошёл вперёд, но вскоре наткнулся на бронетранспортёр и военных в противогазах и с автоматами в руках.

— Вернитесь в свою машину, — приказал один из бойцов, судя по лычкам, сержант.

— А если нет машины?

— Тогда в ближайший автобус.

Александр внимательно оглядел их.

— А почему вы все в противогазах? — эта деталь показалась ему странной.

Но ответа не последовало, ему велели не мешаться и отойти. Делать было нечего — подчинился. С тяжёлым сердцем вернулся в «Джип» и долго сидел молча, раздумывая о положении, в котором очутился.

— Почему они все в противогазах? — этот вопрос не давал покоя Александру. — Может, хотят нас всех отравить? Зачем мы им?

— О Боже! — воскликнула Вера. — Неужто, правда?

— Это на всякий случай, — успокоил обоих Станислав, — никто же не знает, что тут происходит. Перестраховываются.

— А всё равно странно. Ладно, я посплю, — сказал Александр, — глаза слипаются.

Устроившись поудобнее на заднем сиденье внедорожника, он задремал. А когда снова поднял веки, «Джип» уже мчал по пустому шоссе, разрезая пелену тумана, что снова навалилась на мир серой мерзостью. Александр аж подскочил от удивления:

— Где мы? Где пробка? Куда мы едем?

Станислав, как и прежде, крутил баранку, а Вера сидела рядом, но теперь они казались совсем другими: от них веяло холодом и пустотой.

— В Кемерово, — безучастно ответил мужчина.

— Почему машин нет? Где все? Зачем мы туда едем? — продолжал заваливать их вопросами Александр, его не покидало тревожное ощущение.

— Надо. Мы должны, — одновременно ответили супруги.

— Какой в это смысл?

— Никакого. Путь бессмысленен и бесконечен, — голос Станислава был лишён всякой интонации, — вечный круговорот. Мы следуем нашим путём. Другого не дано.

Александр не понимал, что произошло: водителя будто зомбировали, да и Вера сидела

неподвижно, уставившись в одну точку.

— Останови, я сойду, — велел Александр.

— Зачем тебе сходить, — сказала Вера. — Нет разницы, идти в ту или в эту сторону.

Итог один.

— Останови, я сказал! — Александр нащупал рукоятку пистолета, но доставать его не понадобилось: «Джип» завизжал тормозами и встал, как вкопанный.

Александр вышел, машина газанула и умчала вдаль.

И снова пустая дорога, и снова путь сквозь туман. Далеко за спиной загрохотали автоматные очереди, и Александр понял, что сошёл вовремя. А впереди ждала гибель, Александр больше не надеялся спастись, он смело шагал навстречу неизбежному, тому, что рано или поздно настигнет его, тому, что поглотит всех и вся. Он не боялся и не хотел избежать этого. Всё это больше не имело значения. Ничто не имело значения.

Зазвенел звонок, человек поднялся с кровати и щёлкнул выключателем. Жёлтый свет мутной электрической лампочки залил серое пространство комнаты без окон. Настенные часы показывали ровно семь. Встал, умылся и почистил зубы у железной раковины возле кровати, а затем по привычке заварил кашу из странно пахнущего порошка, о происхождении которого задумываться не хотелось. Похожий на мясо кусок твёрдой субстанции дополнил скромный завтрак. Это приходилось есть утром, в обед и вечером — другую пищу рабочий низшего звена позволить себе не мог. Порой каша отличалась цветом или запахом, но эти мелочи уже не имели значения, и поглощение питательной массы не доставляло никакого удовольствия.

Работник N459S17 привык к своему порядковому номеру, цифры были набит на рукавах серых рубашек, которые ему полагалось носить, и на бейджике с фотографией — неотъемлемой части повседневного костюма, по которой каждый мог узнать, каким номером человек числится, где и на какой должности работает.

Выйдя из похожей на гроб каморки, N459S17 оказался в железном коридоре и влился в оживлённый людской поток. Мужчины и женщины в одинаковых серых рубашках с цифрами на рукавах и бейджиками на груди выглядел все на одно лицо, и N459S17 полагал, что и сам стал, как они: так же ходил, так же разговаривал, так же прятал глаза в пол. И так же вместе со всеми он каждый день тащился по железному коридору на работу.

Это было большое мусороперерабатывающее предприятие; N459S17 работал в одном из цехов, управлял огромным прессом для пластика. Как и полагалось, без пятнадцати восемь, он уже находился на рабочем месте. Предыдущая смена закончилась, и люди отправлялись спать в свои комнатухи. Понятия ночи и дня здесь были относительными: день начинался, когда ты приходил на работу, а когда возвращался, для тебя наступала ночь. Поздоровавшись с коллегами, N459S17 надел фартук, перчатки и респиратор и встал за пульт. По конвейеру поползли горы использованного пластика, источая неприятный запах. Воняло здесь ужасно, но работники привыкали, привык и N459S17 — давно не обращал на это внимание. Соседним прессом управлял молодой парень Q231S8, такой же обычный, как и все здесь. Иногда N459S17 с ним перекидывался парой слов, но чаще работали молча: разговаривать было не о чем. С другими сотрудниками N459S17 виделся редко, в основном на обеденном перерыве.

Вонючий, шумный угол в сером помещении, занятым тушами прессов, окрашенных едкой красной краской, стал для N459S17 домом, где проходил каждый его день, где был сосредоточен весь смысл его однообразного, расписанного по часам, существования.

— Вчера у нас в коридоре прорвало трубу, — сообщил сегодня коллеге Q231S8.

— Такое часто случается, — ответил N459S17.

— Да, но теперь опять всё в порядке. Починили.

— Это хорошо.

Они вновь замолчали. Механизм прессовал поступающий по конвейеру хлам в ровные кубы, что уходили в плавильни, а затем на фабрики. Каждый день мимо работника проползали тонны отживших своё вещей, использованных и выброшенных — они мелькали перед глазами нескончаемой чередой и исчезали в железной утробе фабрики, где им будет дана новая жизнь. N459S17 в очередной раз подумал о том, что и он когда-нибудь

превратится в мусор и тело его отправится на переработку, где переродится то ли в удобрение, то ли в питательный порошок. Во что точно он не знал — рассказывали разное.

N459S17 не помнил, кто он и откуда. Всё, что было до того, как он попал сюда, вылетело из памяти. Прошлая жизнь казалась сном, который ушёл, оставив только смутные ощущения. Но предаваться им было некогда: всего себя приходилось отдавать работе, а об остальном стоило забыть. Ведь если потерять работу, нечем станет оплачивать комнату, и тогда он превратится в бездомного, которого выкинут вон. Конечно, некоторые, даже потеряв работу и жильё, умудрялись прятаться от службы безопасности, но рано или поздно их всё равно находили и выкидывали. А что было там, куда их выкидывали, никто не знал: то ли абсолютная пустота, то ли выжженная земля — предполагали разное. Так или иначе, жизни там не было, а потому все боялись вылететь отсюда. Впрочем, большинство даже забыло, чего они боялись, и продолжали трудиться просто потому, что иную жизнь себе не представляли. N459S17 поначалу пытался понять, зачем он здесь, в чём смысл происходящего, и что ждёт впереди, но потом перестал. Теперь он знал, что всё, ради чего он трудится — это перерождение. Он полагал, что сие есть великая цель, поставленная кем-то наверху, возможно Главным, хотя Главный сам об этом никому не говорил, и знание это помогало избежать дискомфорта, вызванного ощущением бессмысленности, а так же поднимало его в собственных глазах. А ещё была цель, правда более мелкого порядка: дослужиться до начальника отдела, а потом до заведующего цехом. Поговаривали, что начальство живёт в просторных комнатах на верхних этажах и хорошо питается. По крайней мере, заведующий ходил не, как все рабочие, в серой рубашке, а в белой, имел зелёную нашивку на лацкане пиджака и сидел в помещении, где его никто не видел, и куда не доносилась мусорная вонь. А начальник участка всегда говорил, что главное — хорошо трудиться, поскольку счастье каждого в его руках, и работая усердно, любой может продвинуться на руководящую должность или хотя бы стабильно получать премию.

Но N459S17 не сильно надеялся на повышение, гораздо больше он ждал перевода на другую работу, ведь когда-то давно он владел некой специальностью, но ему сказали, что вначале надо получить стаж, а потом руководство посмотрит. Поначалу N459S17 пытался расспрашивать парня за соседним прессом о том, как тот сюда попал, но, оказалось, он тоже не помнил прошлую жизнь, впрочем, как и остальные сотрудники.

— Опять респиратор испортился, — сказал Q231S8, — придётся идти менять на обед.

Насколько плохими здесь были респираторы, N459S17 знал не понаслышке: самому бракованные попадались регулярно. Впрочем, тут всё было плохим: оборудование постоянно ломалось, а форменная одежда расходилась по швам. Энтропия довлела над вещами и людьми, всё шло к своей кончине ускоренными темпами. Люди тоже часто ломались и помирали прямо на рабочем месте, то ли от старости, то ли от чего-то ещё — кто умер, уже не мог этого рассказать. С тех пор, как N459S17 попал на фабрику, скончались и отправились на переработку более десятка сотрудников.

Двадцать минут обеденного перерыва прошли незаметно, и вот N459S17 снова стоял за пультом прессы.

— Не поменяли респиратор, — пожаловался Q231S8, — говорят, положен один в неделю.

— Гады, — поддержал его N459S17, — неужели жалко?

— Ничего не поделаешь, у них всё распланировано.

И тут конвейер встал. В соседнем цехе завывла сирена, сообщая о неисправности.

Поломки случались часто, и чинились обычно быстро, но сегодня всё получилось иначе. Прошло десять минут, двадцать, полчаса, а конвейер не запускался. N459S17 сидел в углу и ждал. От нечего делать он погрузился в собственные мысли. Стал представлять, что будет, если однажды все механизмы сломаются и больше никогда не запустятся, какой хаос тогда начнётся, и куда податься в этом случае. Подумал о том, на какую работу он хотел бы устроиться, если б мог выбирать, и пришёл к выводу, что здесь он желает находиться меньше всего. Захотелось покинуть свой вонючий угол. Конвейеры не запускались, и N459S17 решил прогуляться, подумав, что его вряд ли кто-то хватится. Снял фартук, перчатки и респиратор, и вышел из цеха.

Первым делом он попал в коридор фабрики, выкрашенный в зелёный цвет. Свет лампы дрожал, и в глазах неприятно рябило, а под потолком гудела труба вентиляции, будто дикий зверь, запертый в тесную жестяную конструкцию. Тут были и другие люди, они сновали туда-сюда, занятые важными делами, и не обращали на N459S17 ни капли внимания. Из зелёного коридора попал в общий. Огромное помещение с серыми стенами наполнял грохот работающих механизмов, наперебой звучали голоса людей. Вагончики, забитые рабочими в серых рубашках, ползли по рельсам в нескольких метрах над головами пешеходов, дополняя общую какофонию лязгом сцеплений и стуком колёс. N459S17 захотел уединиться, спрятаться от электрического света и производственного шума, но было некуда.

Минут пятнадцать побродив по округе, N459S17 вернулся в цех и с удивлением обнаружил, что его тут уже ждали начальник участка и сотрудник службы безопасности.

— В чём дело N459S17? Почему вы самовольно покинули рабочее место? — спросил руководитель.

— Так ведь конвейер встал, что тут делать? — стал оправдываться N459S17.

— В любом случае, вы не имели права покинуть рабочее место без согласования с заведующим цехом и отметки о выходе, — суровой тон начальника подавлял железной непреклонностью.

N459S17 смотрел на руководителя и не знал, что ответить. Обычно ему становилось совестно, если по нелепому недоразумению случалось нарушить режим, но сейчас N459S17 стыда не чувствовал, не смотря на то, что начальник формально был прав. Более того, претензии представлялись совершенно необоснованными: ведь в его отсутствие ничего не случилось, и даже конвейеры не заработали.

— Вот что, — подытожил начальник, — можете не рассчитывать на премию в этом квартале. Пишите объяснительную, а там посмотрим: возможно, удастся избежать штрафа, хотя сомневаюсь.

Вскоре запустили конвейер, и работа продолжилась.

— Зря ты ушёл, — сказал Q 231S8, — штраф — это паршиво.

N459S17 кивнул в ответ: будто он и сам не знал. Штраф означал, что либо придётся хуже питаться, либо в шумном, вонючем цехе стоять у пресса лишние часы. Стало досадно.

— А ты не помнишь, как тебя звали раньше? — спросил N459S17 у молодого коллеги.

— Нет.

— А мне почему-то захотелось вспомнить, а не получается. Раньше всё было иначе. Я тогда что-то хотел в жизни, к чему-то стремился... вот только к чему?

— Какая разница? Надо о будущем думать, — отрезал Q 231S8, у которого тема не вызвал энтузиазма.

— А какое тут будущее? — недовольно проговорил N459S17. — Наше будущее — это

сдохнуть и отправиться на переработку. Какой смысл о нём думать?

Q 231S8 посмотрел на коллегу непонимающим взглядом, но N459S17 продолжал:

— Мы биомусор, и наша единственная цель: переродиться в продукты из вторсырья. А прошлое — это наша суть, это опыт, который сделал нас такими, какие мы есть, сформировал наш характер и индивидуальность. А их вместе с воспоминаниями отняла эта штукавина. Ты хоть знаешь, где мы находимся?

— Нет, — покачал головой молодой человек, — не задумывался. Работать надо.

Посмотрев в пустые глаза коллеги и не найдя в них понимания, N459S17 снова уткнулся в пульт управления.

Остаток дня прошёл без происшествий, вот только N459S17 глодали мрачные мысли, и в этих думах он вернулся к себе в комнату. Его внезапно перестала удовлетворять высшая цель, которую он когда-то для себя обнаружил, и которую без сомнения поставил сам Главный. Теперь перерождение представлялось лишь бессмысленной нелепостью, злой шуткой безличного механизма. Он чувствовал ужасный разлад внутри и долго ворочался на скрипучей кровати, не в состоянии уснуть.

А наутро N459S17 совсем забыл, о чём думал вчера. Он только помнил, что приходили важные мысли, но какие именно — совершенно вылетело из памяти. Захотелось их вернуть. Промотав в голове события прошедшего дня, N459S17 сделал вывод, что появление мыслей связано с несанкционированным уходом с рабочего места. Полдня он стоял за прессом, лелея надежду, что конвейер снова встанет, и он повторит вчерашнее, но поломки так и не случилось.

Когда же наступило время обеда, N459S17 стало настолько неважно, что он плюнул на распорядок и покинул цех, не спросив разрешения и не отметившись. Он понимал, что за проступок могут уволить, но по необъяснимой для себя причине, N459S17 уходил всё дальше от фабрики, плутая в железных кишках коридоров, и думал. За стенами гудели механизмы и ревели машины. Они что-то перерабатывали, прессовали и делали товары, которые текли в многочисленные магазины, чтобы местные обитатели могли тратить заработанное. N459S17 стало тошно от этого места, снова пришло ощущение нелепости происходящего. Ему уже было не страшно вылететь вон — такой итог жизни ни чем не отличался от будущего, что ждало здесь.

Внезапно внимание N459S17 привлёк мужчина средних лет. Одет он был в старый растянутый свитер и поношенные джинсы, а потому резко выделялся на фоне местных обитателей. N459S17 удивлённо глазел на необычного прохожего, не понимая, кто он и как тут оказался.

— Чего уставился? — весело окликнул его незнакомец, проходя мимо.

— Ты одет по-другому, — сказал N459S17. — Это странно.

— Странно, что ты вообще меня заметил. Обычно не замечают.

— Это почему?

— Всё тебе расскажи и покажи? — прищурился мужчина. — Ну да ладно, раз ты меня видишь, то и скрывать бессмысленно. Короче, я уволился.

— Как так?

— Очень просто, взял и уволился.

N459S17 почесал затылок, пытаясь найти логику в словах собеседника.

— А ты чего такой хмурый бродишь? — спросил странный человек.

— Я из цеха самовольно ушёл, теперь не знаю, что делать.

— Ах, вон оно как, а я, почему-то так и подумал. Меня, кстати, Максим зовут, а тебя?

— N459S17. Имя не помню.

— Бывает, я тоже не сразу вспомнил. Что ж, будем знакомы.

— А тебя, выходит совсем никто не видит? Даже эсбешники? — удивился N459S17.

— Никто. Я для них не существую.

— И тебя не могут выкинуть вон?

— Абсолютно верно.

— И это потому, что ты уволился? А если я уволюсь, меня тоже не вышвырнут?

Максим развёл руками:

— Выходит так.

— А где ты живёшь?

— Да тут недалеко. Показать?

N459S17 кивнул, и они пошли.

Убежище Максима располагалось в глубине служебных помещений, и чтобы туда попасть пришлось пролезть через заслонку в стене, протиснуться между связками кабелей, а затем пройти по техническим коридорам в плохо освещённую комнату с трубами и вентилями. Тут было душно и сыро, от клапанов валил пар и веяло жаром, а ржавчина толстым слоем покрывала железные стены и пол. За трубопроводом находился закуток, использующийся, судя по всему, для хранения старых запчастей, и там, в дальнем углу, среди стеллажей и хлама, пристроилась кушетка. Рядом стояли стол и пара стульев, а над ними на стене висел шкафчик, на полках которого N459S17 обнаружил керамические кружки и чашки. К розетке, которую Максим собственноручно врезал в общую сеть, были подключены электроплитка и чайник, а под кушеткой хранились кастрюли и сковородки.

— Неслабо ты обустроился! — N459S17 с нескрываемым любопытством осмотрел тайное жилище нового знакомого.

— Это верно, — улыбнулся Максим, — правда, пришлось потрудиться, чтоб затащить сюда всё это.

Включив чайник, он присел на кушетку:

— Тут не так уж и плохо, если подумать. Обычно таких, как я, называют бездомными, и в этом есть доля истины. Но если говорить по-существу, то тут все бездомные, ведь попав сюда, они лишились всего, в том числе своих родных жилищ.

— И давно ты тут обитаешь? — N459S17 присел на табурет.

— Почти год, — Максим насыпал в маленький фарфоровый чайничек заварку и залил кипятком. — Надо, чтоб настоялся. Наверное, уже не помнишь, что такое настоящий чай? Если, конечно, можно назвать настоящим то, что растёт в местных парниках.

— Никак не возьму в толк, — подумав, сказал N459S17, — обычно тех, кого уволили, выкидывают вон. Почему же тебя не выкинули?

— Ты разницу не уловил. Если тебя уволили, ты продолжаешь находиться в рамках системы и жить по её правилам. Когда же сам выходишь из игры, для системы ты перестаёшь существовать, как бы оказываешься в другой плоскости, в ином измерении, и перестаёшь быть видимым для всех, кто пляшет под её дудку.

— Но почему тогда все не уволятся? И почему я тебя вижу?

— По-разному бывает: кто-то привык так жить, и не представляет, что делать со свободой, а кто-то просто боится. Они-то не знают правды и уверены, что их выкинут вон. По поводу второго вопроса, я вот что думаю. Ты же говорил, что без разрешения покинул

рабочее место, так? Видимо, когда ты пошёл против правил, система частично утратила власть над тобой. Но пока не полностью. А вот если уволишься, то совсем выйдешь из-под контроля, вспомнишь прошлое и станешь для всех невидимым, как я.

Максим вынул из шкафчика две кружки и налил в них чай. Забытый аромат приятно зашевелил ноздри, а горячий напиток, разлившись по пищеводу, воскресил отблески прошлого, давно залёгшего на дно разума.

— Так ты, наверное, знаешь и про то место, куда всех выкидывают? — N459S17 отпил и поставил кружку на стол.

— К сожалению, нет, — покачал головой Максим, — ведь оттуда никто никогда не возвращался. Многие привыкли считать, что там пустота, Ничто, но так ли это на самом деле, остаётся гадать. Я не верю в Ничто, что-то там обязательно должно быть, но и проверять не хочется, ведь кто знает...

— Никто не знает, даже о том, где мы находимся, — заметил N459S17.

— Пойдём, — сказал Максим, встал с кушетки и направился к трубам. N459S17 последовал за ним. На огромном жёлтом вентиле красовалась штампованная надпись.

— Читай, — ткнул в неё пальцем Максим.

— «Пожиратель-275», — прочитал N459S17, — что-то знакомое.

— Это место, где мы находимся.

— И что он пожирает?

— Да всё подряд: города, природу, мир, нас, в конце конов.

— Какая странная штука... — N459S17 задумался, в голове толпилась куча вопросов.

— Кстати, советую поторопиться, чтобы уволиться раньше, чем они сами это с тобой сделают, — заметил Максим. — Только в цех не иди, беги сразу в контору, понял? Будут отговаривать или угрожать — не обращай внимания. Отказать они не в праве.

N459S17 вспомнил, что уже давно ушёл из цеха. Наверняка его спохватились и в любую минуту могли отправить в главный офис сигнал. Чуть ли ни бегом он бросился к выходу.

Управление мусороперерабатывающего завода находилось десятью этажами выше. N459S17 редко тут бывал, но расположение конторы помнил. На верхних уровнях люди выглядели совсем по-другому: они носили белые рубашки, а лица их были светлее и опрятнее, чем у рабочих внизу, хоть и такие же одинаковые. Иногда здесь встречались руководители. Одеты в костюмы с разноцветными нашивками на лацканах пиджаков, они гордо расхаживали среди рядовых конторщиков, поглядывая на них сверху вниз.

В офисное помещение N459S17 вломился впопыхах, вызвав оторопь у девушки на ресепшене.

— Хочу уволиться, — с ходу огорошил её N459S17, и сотрудница уставилась на рабочего так, будто перед ней разверзлась мировая бездна, в её серых безучастных глазах сквозил ужас.

— Простите, что? — переспросила она.

— Я хочу уволиться! — отчеканил N459S17. — Ещё раз повторить?

— Э... ладно... я сейчас, — растерянно залепетала девушка и куда-то убежала.

Очень скоро она вернулась. Следом шагала мужчина в костюме, на лацканах его пиджака красовались синие нашивки — знак отличия руководителя среднего звена.

— Что вы хотели? — спросил он.

— Уволиться. Бумаги дайте, где расписаться.

Тот помялся, поводит бровями, а потом проговорил:

— Но позвольте, что вы собираетесь делать дальше? Вы ведь знаете, что не сможете устроиться на другую работу без рекомендации с предыдущего места, а уволенным мы рекомендации не даём. Вы осознаёте, к чему ведёт столь опрометчивый шаг?

— Да знаю я, к чему ведёт, не задерживайте, некогда мне, — поторопил его N459S17

— Вам стоит очень хорошо подумать, — строго произнёс начальник, подняв палец вверх. — Очень-очень хорошо! Я просто обязан вас предупредить о всей серьёзности последствий. Ваш случай, скажем так... не совсем стандартный, и мы...

— Вы мне отказываете?

— Нет, что вы, ни в коем случае, вы вольны делать всё, что пожелаете. Я сейчас же запрошу бумаги, вы подпишете их, и можете быть... свободны, — последнее слово начальник произнёс как-то странно. «Наверное, он в курсе», — подумал N459S17.

Вскоре перед N459S17 лежала кipa бумаг. Свою подпись он вспомнил легко, стоило взглянуть на документ, где он расписывался при приёме на работу. Посмотрел на дату: это было три года назад.

Но только N459S17 начал подписывать бумаги, как к руководителю подбежал служащий в белой рубашке и что-то сообщил.

— Погодите, — начальник попытался остановить N459S17, — выяснилось, что сегодня вы во время обеденного перерыва самовольно покинули рабочее место, и отсутствовали в течение часа. Мы должны пересмотреть условия вашего увольнения.

— Поздно спохватились, — мрачно произнёс N459S17, не отрываясь от своего занятия.

— Остановитесь! Вы не можете уволиться до выяснения обстоятельств! — начальник шагнул к рабочему и уже хотел забрать документы, но тот вскочил с места:

— Только попробуй подойти, я тебе эту ручку в глаз воткну.

Начальник отпрянул.

— Срочно вызовите службу безопасности! — приказал он девушке на ресепшене, и та судорожно начала куда-то звонить и объяснять ситуацию.

A N459S17 продолжал ставить подписи, и кipa бумаг уменьшалась на глазах. Он видел, как дверь открылась, и в помещение ворвались два коротко стриженных молодых человека в чёрном, как они направились к нему, желая схватить. Но теперь перед N459S17 лежал последний документ, и быстрым движением руки он поставил подпись перед самым носом эсбешников.

— Где он? — спросил один из них.

Начальник, секретарша и два парня стояли, удивлённо оглядываясь по сторонам и не находя только что сидевшего тут рабочего.

— Что? Съели, придурки? — воскликнул N459S17, встав из-за стола и показав средний палец всем четверым. Он спокойно прошёл сквозь них и с триумфом покинул контору, ощущая, как с плеч свалился камень, который приходилось таскать последние три года. Теперь N459S17 дышал полной грудью и с усмешкой посматривал на прохожих, что по-прежнему находились в плену системы.

N459S17 вернулся в арендуемую каморку, чтобы забрать вещи. Теперь тут всё вызывало отвращение: пластиковая посуда, дешёвая мебель, сломанный телевизор, шкаф с комплектом серой повседневной формы. Он выдвинул из-под кровати ящик. В старом пластмассовом контейнере лежала одежда: толстовка, куртка, джинсы и ботинки с отбитыми носами и отстающей подошвой. От вещей несло затхлостью, и вместе с тем пахло чем-то знакомым: в голове всплыли забытые картины осеннего леса и городских улиц. Рассеявшийся сон

прошлого воскресал, вновь обретая краски и форму.

N459S17 переоделся и вышел. Он шагал мимо одинаковых штампованных дверей, желая навсегда покинуть это место, как вдруг за одной из них услышал всхлипы. Остановился, хотел пройти мимо, но передумал. Осторожно постучался. Всхлипы прекратился, но никто не открыл, он постучался настойчивее.

Дверь скрипнула, и из полумрака комнаты на N459S17 уставилось испуганное женское лицо.

— Уже на выход? — спросила жительница дрожащим голосом. — Ещё же пять дней до конца месяца.

Она почему-то видела гостя, хоть и не должна была.

— Нет, я не из этих, — успокоил её N459S17. — Просто услышал плач, хотел спросит, что случилось?

— Понятно, — женщина тяжело вздохнула, — а что может случиться: уволили сегодня.

— Паршиво. И меня тоже... точнее я сам уволился, так что мы, считайте, в одной лодке. Пойдёмте, я покажу убежище.

Женщина недоверчиво посмотрела на человека в дверях:

— Вы не шутите? Меня там не найдут?

— Пока не знаю, но место тихое. Думаю, не должны.

— Да, да, хорошо, — она торопливо скрылась в комнате, и вскоре вышла с сумкой. — Я готова, ведите.

Они шли по железному коридору, освещённому отвратительными жёлтыми лампами с заляпанными плафонами, и разговаривали.

— За что тебя уволили? — спросил N459S17.

— Да вот, партия бракованная оказалась, а меня обвинили, — посетовала женщина. — Они постоянно виновных ищут и выкидывают вон. Четыре года назад мужа выкинули за нарушение распорядка, теперь — меня. Им плевать на людей, мы не стоим даже копеек, затраченных на испорченный материал. Мы ничто. Народу каждый день приходит столько, что его совсем не жалко. Как можно так поступать с нами?

— Это механизм, — рассудил N459S17, — а механизму неведома жалость. Если детали ломается, её выкидывают.

— Но мы не детали!

— Руководство считает по-другому. Они нам дают работу, они и правила устанавливают. Тут мы бессильны.

Знакомой дорогой N459S17 довёл женщину до входа в жилище Максима. Оглянувшись и убедившись, что рядом никого нет, отодвинул заслонку, и они проникли в технический коридор.

— Человек один тут живёт, тоже уволенный, — объяснил N459S17.

Максим лежал на кушетке и читал непонятно откуда взявшуюся бумажную книгу в твёрдом переплёте. N459S17 только слышал о таких, но сам в руках не держал. Увидев, что рабочий пришёл не один, Максим заволновался.

— Зачем ты её привёл? Её же найдут! — он вскочил с лежанки. — Таким, как она, нельзя тут долго прятаться.

Женщина растерянно переводила взгляд то на одного, то на другого.

— Неужели ничего нельзя сделать! — удивился N459S17. — Надо помочь человеку.

Максим выглядел расстроенным, он сел на кушетку и задумался:

— Я просто не знаю других путей стать невидимым. К несчастью, но мы бессильны.

— Пусть она поживёт здесь, тут же никого нет.

— Ремонтники, бывает, заходят. Иногда они не докладывают о бездомных, жалеют, но не все, особенно, если приходит проверка. Остаётся надеяться на везенье. Впрочем... — Максим задумался, а потом внезапно оживился, — кажется, у меня есть идея. Что если попробовать удалить личное дело? Надо всего лишь пробраться в архив «Пожирателя» и с одного из компьютеров зайти в базу данных. Нам это будет не сложно. И если сработает...

— Если это сработает, — перебил N459S17, — мы сможем освободить всех!

— Могу представить, что тогда начнётся, — усмехнулся Максим.

В просторном помещении архива рядами стояли столы с компьютерами, за которыми люди в белых рубашках непрестанно бегали пальцами по клавиатурам. Человеческие голоса, стук клавиш и пиликанье телефонных звонков сливались в мерный гул, кто-то из сотрудников то и дело проносился по залу с кипой бумаг. Никто не замечал двух человек, идущих между столами.

— Я, как и они, раньше сидел за монитором в белой рубашке, — сказал Максим, оглядывая служащих — только в другой конторе. Бедолаги!

В конце помещения была лестница на второй этаж, где в мягком крутящемся кресле расположился толстый начальник в пиджаке с лычками. Он с важным видом наблюдал сквозь большое, во всю стену, окно за рабочим залом, похожим отсюда на один большой муравейник. Зашедших без стука и разрешения Максима и N459S17 он не видел.

— Вот свинья-то, — Максим с отвращением смотрел на человека в кресле, — у меня такой же надзиратель сидел в конторе. Надоел так, что я уже и сам был готов выброситься в пустоту внешнюю. Столько крови попортил!

— Странно, что другие терпят, — заметил N459S17, — почему?

Бывший конторщик пожал плечами.

Они подождали, пока начальник отошёл, и Максим полез в компьютер. Найти нужное дело в базе данных не составило труда, но когда он нажал кнопку «удалить», включилась блокировка системы, а на экране высветилась надпись: «Несанкционированная попытка удаления личного дела. Служба безопасности оповещена».

— Дерьмо! — выругался Максим. — Разумеется, они все базы защитили. Как же я сам не догадался?

— И что делать?

— Не знаю, может быть, проникнуть в контору СБ? Или... кто вообще выдаёт разрешение на удаление личных дел? Главный? Тогда надо идти напрямик к нему, и войти в базу с его компьютера.

— Стоит ли навешиваться к Главному? — засомневался N459S17.

— А почему нет? Оставь страхи, нас никто не видит, забыл? Вообще никто!

В комнату вбежал взволнованный руководитель. Он с ужасом смотрел на экран, не понимая, что происходит, на лбу у него выступил пот. Чуть не плача, он бросился жать все клавиши подряд, но тут дверь открылась, и на пороге возникли два человека в чёрном.

— С вашего компьютера поступил сигнал о попытке несанкционированного удаления документации, — сообщил один из них, — пройдёмте с нами.

— Но я не... я не понимаю, что происходит! — начал оправдываться начальник, дрожа всем телом.

Максим и N459S17 ушли, не дожидаясь развязки.

— Скорее всего, выкинут, — сказал Максим.

— Получается, мы подставили человека?

— Забудь. Знаешь, сколько по его вине уволили народу? На таких тут редко управа находится. Так что поделом.

Главный обитал на самом последнем этаже, вот только, как туда проникнуть, Максим

не знал. На нескольких лифтах с пересадкой, поскольку не было одного, который бы вёл через все этажи, они добрались до верхних уровней «Пожирателя», но дальше лифт не ехал, и они отправились бродить по этажу в поисках «чёрной» лестницы.

Тут жил высший свет местного общества. Коридоры имели хорошую шумоизоляцию, на стенах висли картины, под ногами стелился ковёр, из динамиков ненавязчивым фоном лилась мелодичная музыка. Свет был, хоть и яркий, но мягкий и приятный, от него не слезились глаза, как от ламп внизу. А ещё тут были обустроены зоны отдыха с мини-фонтанами и клумбами. Обитатели верхних уровней буквально сверкали лоском и изяществом. От них пахло дорогими духами, а костюмы с иголочки не имели опознавательных знаков — люди высшей категории были свободны от ношения разноцветных лычек. Встречаясь друг с другом, они здоровались, учтиво улыбались и премило беседовали. По сравнению с серыми, помятыми рабочими на первых этажах, эти выглядели небожителями. Для N459S17 всё тут было в новинку: прежде он даже мечтать не мог о такой роскоши.

— Хорошо же устроились некоторые, — произнёс он с завистью.

Но Максим только покачал головой:

— Для всех, кто работает на низших должностях, попасть сюда является несбыточной мечтой. Но на самом деле отличий между этими и теми не так много. Люди здесь, хоть и живут в чистоте и роскоши, но по сути, являются такими же винтиками механизма, рабами, которые находятся тут лишь до тех пор, пока исправно выполняют отведённую им функцию. Они точно так же подвержены страхам, их могут выкинуть вон, как и любого другого. Неужели ты до сих пор не понял, что настоящая свобода и счастье — это оказаться вне структуры?

— Быть невидимым, бродить, как призрак, и прятаться по подвалам среди ржавых труб? — скептически хмыкнул N459S17.

— С неудобствами легко мириться, главное — сохранить себя, свою суть, быть свободным. Гонясь за богатством, роскошью, славой люди становятся заложниками системы. Мы же выбрали другой путь.

— Может, ты и прав, — пожал плечами N459S17. — На само деле, будь моя воля, я ушёл бы отсюда: это отвратительное место. Я вспоминаю прошлое: деревню, чистый воздух, лес — хочу снова туда. Вот только своё имя не могу вспомнить. И понятия не имею, как попал сюда.

— Не переживай, однажды ты вспомнишь всё, — утешил его Максим. — Думаю, ты, как и остальные, пришёл сам. От «Пожирателя» многие пытаются бежать, но рано или поздно пути отхода заканчиваются, а ты оказываешься вынужден смириться.

Нашли лестницу. Железные ступени вели, казалось, в самое небо. Но заканчивались она глухой стеной — дальше прохода не было.

— Надо подняться выше, — сказал Максим, — похоже, придётся лезть снаружи.

На одной из лестничных площадок имелся люк. Яркие красные буквы гласили: «Только для персонала. Посторонним вход запрещён». К счастью, он оказался не заперт. Максим и N459S17 выбрались наружу, и в нос им ударили копоть и смрад, а глаза слезились от дыма. От представшей перед взором картины захватывало дух. Во все стороны, от края до края, тянулись металлические конструкции, опутанные паутиной лестниц, ходов и трубопроводов. Нагромождение цистерн, железных корпусов, огромных шестерней и прочих механизмов терялось в тучах дыма, выбрасываемых чудовищными, упёршимися в небо трубами. И всё это

непрерывно гудело, выло и рычало. Настоящий стальной город, в недрах которого заточены миллионы людей, ставших винтиками огромного рукотворного монстра. N459S17 посмотрел вниз. Они с Максимом стояли на хлипкой площадке с сетчатым полом, а под ними разверзлось ущелье, в котором ничего не было видно.

Чтоб попасть наверх, пришлось долго карабкаться по прикрученным к стенам пожарным лестницам, отдыхая на площадках между пролётами. Приятели изрядно устали, пока лезли, но всё же им удалось забраться почти на самую верхнюю точку железного города. Внизу клубился дым, а наверху светило Солнце, и оба они, как замороженные, смотрели на жёлтый шар в лазурной бесконечности, от которого успели отвыкнуть за долгие годы, проведённые в недрах «Пожирателя».

— Как давно я не видел небо! — воскликнул Максим, стараясь перекрыть рокот механизмов. — А ведь оно прекрасно! Великое и непостижимое творение; даже эта железка не в состоянии его поглотить.

Они пошли вдоль стены и вскоре добрались до люка. Открутив вентиль запорного механизма, Максим и N459S17 проникли внутрь и оказались в служебном коридоре. После улицы он показался гробом — столь тесно тут было. Максим закрыл люк, и тот, грозно лязгнув железом, оставил людей в темноте, едва рассеиваемой жёлтыми промышленными лампами. Немного побродив среди внутривстенных коммуникаций «Пожирателя», нашли съёмную панель, через которую выбрались в огромную, роскошную залу. Пол устилал мягкий красный ковёр, на потолке висели хрустальные люстры, стены украшали картины великих художников прошлого, а по углам стояли вазы и гипсовые статуи.

— Ну как тебе? — спросил Максим. — Тут всё принадлежит Главному.

В поисках кабинета Главного, они брели по коридору мимо просторных комнат, уставленных предметами роскоши и произведениями искусства. Хотелось всё рассмотреть и всё потрогать, но вначале надо было закончить дело, ради которого пришли. Навстречу просеменили три горничные в белых передниках. Лица их скрывали одинаковые улыбающиеся маски. От этих картонных улыбок N459S17 аж передёрнуло. Такие же маски были и у остальной прислуги.

— Они отказались даже от лиц, — пояснил Максим. — Прислуге лица не полагаются.

Вышли на полукруглую террасу с мраморной балюстрадой. В безоблачном небе по-прежнему светило солнце, было жарко. Воздух пах морем, а лёгкий бриз ласкал лица. Перегнувшись через ограду, N459S17 обнаружил, что отсюда не видно ни труб, ни железных зданий, а внизу до самого горизонта тянулась ровная белая пелена.

Огромная дверь вела с террасы прямо в кабинет, и приятели вошли туда. Посреди комнаты располагались массивный дубовый стол и роскошное кресло, за которым висела картина с изображением отца, обнимающего вернувшегося сына. На столе стоял ноутбук. Максим включил его, но зайти в систему не получилось.

— Проклятье, тут пароль! — выругался он.

— И что делать?

— Дождаться Главного, чтоб он сам включил — иного выхода нет.

Долго ждать не пришлось: скоро в кабинет вошёл человек. Мужчина невысокого роста, в очках в дорогой оправе был совсем не похож на тех, кого N459S17 видел на других этажах. Наряд его составляли белые бриджи, гавайская рубашка навыпуск и кроссовки, а держался он свободно и непринуждённо, чем кардинально отличался, не только от рабочих и служащих с нижних этажей, но и от руководителей, привыкших следовать многочисленным нормам и

инструкциям. Когда N459S17 думал о том, кто такой Главный, ему представлялся большой, грозный начальник, держащий в мощном кулаке бразды правления. Этот же человек ни на какого Главного похож не был: он выглядел слишком просто и незамысловато.

— Не ожидал вас здесь встретить, — небрежно бросил вошедший, ни капли не удивившись присутствию посторонних. Он по-хозяйски сел в кресло и устался на незваных гостей.

Те переглянулись.

— Ты нас видишь? — спросил Максим.

— Разумеется, вижу, к чему глупые вопросы?

— Но как?

— А ты как думаешь?

— Ты вне системы... — догадался Максим. — Как и мы. Ты же Главный.

— Верно! — кивнул человек, а затем добавил скучающим тоном. — Так и будем стоять? Чего хотели-то? Ещё глупые вопросы имеются?

— У меня много вопросов, — сказал N459S17, с любопытством изучая мужчину в гавайской рубаше. — Что это за место, зачем оно нужно? Ты его создал? Как мы сюда попали, и для чего мы здесь?

Главный крепко задумался.

— Не так просто ответить на твои вопросы, часть из которых вообще не имеет смысла, но я постараюсь. Я не создавал «Пожирателя», его породили законы мироздания, если хотите, движущая сила истории. А зачем? Зачем светит солнце? — жестом руки Главный указал в сторону террасы, откуда в широко распахнутые двери лились тёплые лучи. — Зачем растёт трава? Как на это можно ответить? «Пожиратель» существует, потому что существует, и поглощает всё вокруг, потому что не может этого не делать.

— Но должен же быть смысл во всём этом! — настаивал N459S17.

— Смысл, — передразнил мужчина в гавайской рубаше. — Смысл — это наша с вами выдумка, фикция, ошибка мозга, ибо только там он и существует.

— Хватит разглагольствований, — прервал его Максим, — мы тут не за этим, нам нужно...

— Успокойся, я прекрасно знаю, что вам нужно, — перебил Главный. — Но вы опоздали: ту женщину, чьё дело вы хотите удалить из базы, двое сотрудников службы безопасности уже ведут, чтобы выкинуть вон. Но не расстраивайтесь: вы всё равно ничего не добились бы. Потому что проблема не в файле на жёстком диске и не в подписанной бумажке, всё кроется здесь, — Главный постучал по лбу указательным пальцем, — в нашем сознании. Вы стали свободными не тогда, когда подписали документ об увольнении, а когда позволили себе стать свободными, а она не позволила, и так и осталась в плену страха. Удалив личное дело, вы бы ничего не изменили.

— Так останови это! — воскликнул N459S17, — Ты же можешь, ты — Главный. Отдай приказ своим людям.

— Слишком многого просишь. «Пожиратель» — отлаженный механизм, и всё тут должно действовать, как часы. Можно, конечно, и самовольно двигать стрелки, вот только что из этого получится? Если уж по-честному, я тут вообще мало на что влияю. Всё решает механизм, он просчитывает варианты и выдаёт нужный результат, а механизм стоит на нерушимом: воле к жизни, алчности и самолюбию рода человеческого. И покуда они не исчезнут, всё будет именно так, как есть. А они не исчезнут, ибо такова суть всего живого. А

я... я просто наблюдаю и пользуюсь тем, что мне даётся.

— И тем не менее, ты можешь это сделать, — в голосе N459S17 зазвучали железные нотки. — Если в механизме нет смысла, значит, и нарушение его работы ничего не значит.

— Нет, не могу, — Главный изобразил на лице сожаление, — все мы в определённой мере заложники ситуации: мы делаем те или иные вещи, потому что не можем их не делать, потому что это продиктовано кучей факторов, о которых сами не знаем. Вот и мои действия — лишь следствие многих причин. Ровно, как и твои, и всей той массы народа, что копошится там внизу.

— Я могу тебя просто убить и сделать всё сам, — сказал N459S17.

— Можешь, — равнодушно развёл руками Главный, — а толку? «Пожиратель» работает без моего участия, он завязан на огромном количестве людей, которые привыкли изо дня в день выполнять определённые обязанности, они даже не представляют, что можно иначе, в их голове нет иных мыслей, кроме как ходить на работу в надежде получить премию или повышение. Каждый из них мелок и незначителен, но все вместе они составляют могучую, автономную силу, движимую общей волей. Устранишь меня — на моё место придут другие, а «Пожиратель» этого даже не заметят.

— Так или иначе, я тебя убью, — N459S17 был непреклонен, — убью за все те страдания, что ты доставил людям и миру.

Главный ехидно прищурился:

— Обычно ты убивал по другой причине, откуда такая вспышка альтруизма? Думаю, ты просто пытаешься ощутить свою власть над окружающим миром и над самим собой. Вот только это всё тщетно, ибо нельзя ощутить то, чего у тебя нет и быть не может.

— Разве я когда-то убивал?

— А ты вспомни.

N459S17 стал напрягать мозги, пытаясь заглянуть в прошлую жизнь, и постепенно перед глазами начали всплывать отчётливые картины: окровавленный молоток в руке, разбитые головы, перерезанные глотки, бездыханные тела.

— Ты лжёшь! — N459S17 метнул в собеседника ненавистный взгляд. — Я убивал, чтобы спасти их. Только я им мог предложить реальную помощь. Они приходили и жаловались на жизнь и на судьбу, они желали умереть, но не решались это сделать. И тогда они ехали со мной в лес, зная, что там всё закончится.

— Ошибаешься, — рассмеялся Главный, — Ты убивал, потому что я тебе приказывал.

— Снова враньё!

— Ну же, вспоминай. Вспомни того странного типа, который подошли однажды вечером и предложил работу, вспомни, кто тебя отмазывал на заводе, когда ты прогуливал смены. А те суммы, которые появлялись на твоей банковской карте? Откуда они?

— Нет! — воскликнул N459S17. — Ты врёшь: это не мои воспоминания. Такого не было! И «Пожирателя» не было. Да и зачем тебе это?

— «Пожиратель» был всегда. Вы не видели его, но он незримо присутствовал среди вас, неизменно нависая над миром своей тенью. И ему всегда были нужны люди — те, кто станут деталями, обеспечивающими бесперебойную работу механизмов. Только не все это могут, некоторые просто не хотят выполнять отведённые им функции, они слишком слабы или своевольны — без разницы. И таких мы ликвидируем. Порой их же собственными руками, а порой руками парней, вроде тебя, внушив вам какую-нибудь благородную мысль или играя на ваших амбициях.

— Сволочь, — тихо проговорил N459S17, закипая от гнева. Со сжатыми кулаками он подошёл к столу. — Значит, ты использовал меня. Ты ответишь за всё!

— Что ж, Александр, — Главный выдвинул ящик стола и извлёк оттуда предмет — обычный молоток, покрытый коркой запёкшейся крови, — возьми и сделай своё дело. Я приказываю тебе.

— Пойдём отсюда! — позвал Максим, до сих пор наблюдавший диалог со стороны. — Ты ничего не добьёшься этим.

Александр схватил молоток.

— Ну же давай, — подначивал Главный, — почувствуй вновь иллюзию власти, ты же этого хочешь?

Александр стоял и шумно дышал, желая только одного: размазать эту наглую физиономию.

— Ты такая же пешка, — наконец процедил он, — а никакой не Главный. Пустое место. Где тот, кто всем управляет?

Мужчина в гавайской рубаше откинулся в кресле и, подперев рукой подбородок, пристально посмотрел на человека с молотком.

— Ладно, — разочарованно сказал он, — будь по-твоему. Там же, где и всегда, наверху. Александр положил молоток в карман.

— Не забудь это, — Главный взглядом указал на стол, на глянцевой поверхности которого тускло поблёскивало железное тело старого «Люгера». Александр взял пистолет и пошёл к выходу, но на пороге обернулся. Прозвучал выстрел — мужчина в гавайской рубаше свесился с кресла с простреленной головой, заливая кровью и мозгами дорогой ворсистый ковёр.

Обратно шли молча. Добрались до лифта. Сверкающие чистотой зеркальные двери раскрылись и два человека вошли в просторное помещение. Лифт плавно поехал наверх.

— Вот ты и вспомнил, как тебя зовут, — сказал Максим, — и чем занимался в жизни. Если б я знал, кто ты, ни за что не привёл бы в своё убежище. Тебя должны были выкинуть вон, чтоб ты там сгинул. А я, дурак, всё испортил. Ты беспринципная сволочь. Именно такие, как ты, лишают жизни ни в чём не повинных людей. И ради чего? Какое оправдание у вас для этого? Да без разницы. Ты надумал очередную благородную причину и считаешь себя героем! Вот только это не так.

Александр молчал.

Двери лифта открылись, и Александр вышел. Максим лежал в углу с дырой в виске, а на стене нелепой кляксой расплылось кровавое пятно, тянущееся от его головы. В лазах покойника застыл немой укор. Александр шёл вперёд, сжимая в ладони привычную до боли рукоять пистолета. Огромный ангар освещали прожекторы. Было пусто и тихо, и звук человеческих шагов эхом отскакивал от металлической поверхности стен. Александр направлялся к центру помещения, где расплылось нечто огромное и бесформенное.

Подойдя ближе, он понял, что тут обосновалась живая субстанция, напоминающая слизень, из рыхлого тела которого торчали жирные щупальца, прикреплённые концами к полу и стенам ангара. Тысячи человеческих глаз усеивали туловище существа. Завидев гостя, они разом уставились на него.

— Это какая-то шутка! — произнёс Александр в недоумении. — Что ты вообще такое? Ты всем управляешь?

Человек выглядел блохой на фоне громадного тысячеглазого монстра, а тот лежал на железном полу и не двигался с места.

— Ну что, ты это хотел видеть? — раздался за спиной голос, показавшийся Александру знакомым. Рядом стоял худой, сутулый священник со впалыми щеками.

— Я тебя помню, ты был в той деревне, — сказал Александр.

— Да, да, и мы с тобой разговаривали. Я обещал показать Бога.

— Ну и где он?

— Пред тобой, — священник хитро ухмылялся.

— Это? — Александр недоверчиво покосился на слизня. — Нет, это не Бог.

— Ты же не знаешь, как выглядит Бог, тогда как ты можешь утверждать, что это не Он? Все вы так. Вначале говорите: «покажи нам Бога», а потом возмущаетесь, что вас обманули и подсунули подделку. Но разве всем угодишь? Пойдём.

— Куда?

— Домой, куда же ещё.

Александр последовал за священником. Они вошли в лифт, где уже не было ни тела, ни кровавых разводов, и поехали вниз.

Ехали долго, а когда двери открылись, перед ними предстало тёмное помещение храма, и Александр вспомнил всё, что произошло три года назад, в том числе и то злосчастное воскресенье, когда он, жажда получить ответы, отправился за оградой из колючей проволоки. Они с отцом Пафнутием вышли из Царских врат иконостаса. Отовсюду смотрели лики святых, глаза которых теперь казались глазами того монстра наверху, они молча и удивлённо наблюдали за двумя людьми, возникших в пустоте сумрачного помещения. Проходя мимо одной из икон, Александр дотронулся до доски — пальцы оказались в крови, что шла из глаз нарисованного святого.

— Они разочарованы не меньше тебя, — сказал священник, — все разочарованы. Сказка оказалась слишком печальной.

Александр обернулся: перед ним стоял уже не отец Пафнутий, а горбатый монстр с птичьими лапами и длинными крюками трёхпалых рук. Вместо лица его зияло Абсолютное Ничто.

— Как же ты мне надоел! — вздохнул Александр.

Он наставил на существо пистолет и хотел выстрелить, но передумал. Он больше не боялся его. Монстр ничего не мог сделать человеку, ведь был он Ничем, обёрнутым в тряпку.

— Ты ведь никогда не отстанешь, — произнёс Александр, — да и хрен с тобой, делай, что хочешь.

Он вышел из церкви напрямик в туман. Запах гнилой воды, тины и камыша навевал грустные воспоминания. Коричневые краски осеннего болота растворялись в серой дымке. Была середина осени, природа тускнела, готовясь к очередному умиранию.

Отец Пафнутий, стоя на краю насыпи, смотрел в чёрную болотную воду, подёрнутую зеленоватой плёнкой.

— А этот горбатый кто? — спросил его Александр.

— Тоже Бог, — не отрывая взгляда от воды, ответил священник.

— Как? И этот? Сколько их вообще?

— Можно сказать — сколько угодно, можно сказать — ни одного.

— Но внутри у него пустота!

— Верно подметил, — отец Пафнутий посмотрел на Александр, — ведь сие есть великая бессмыслица — пустота, заключённая умом человеческим в форму — в совершенно любую форму, которая взбредёт нам в голову. Все видят разное. Одни прячут Его в образы умерших людей, другие — в природные стихии, третьи — в предметы этого мира или внутрь себя. Для тебя Он таков, и ты есть часть Его, а Он — часть твоего сознания. Можно сказать, что ты тоже есть Бога, ведь ты сотворил всё это.

Александр оглянулся вокруг:

— Я даже не знаю, что это за деревня и что я тут делаю. Всё случилось совершенно внезапно. Когда я приехал домой...

— Ты всё прекрасно знаешь, просто боишься взглянуть правде в глаза. Мы творим свой мир, а он пожирает нас, заставляя плясать под свою дудку. Ты не выйдешь отсюда и не сможешь стать свободным. Ты не предусмотрел путь наружу и застрял в болоте безысходности. И вот теперь ты тут, у финальной черты, которую пересечёшь совсем скоро.

Взгляд отца Пафнутия преобразился, стал диким. Священник шагнул к Александру и схватил за шею мощными жилистыми пальцами, холодными, как у покойника. Александр среагировал мгновенно: он направил ствол «Люгера» в подбородок душителя и выстрелили. С раздробленным пулей лицом отец Пафнутий свалился в трясину. Топь стала засасывать его, и вскоре на поверхности остался лишь кусок чёрной рясы, он некоторое время торчал над поверхностью болота, а потом тоже исчез в гнилой воде.

Александр возвращался домой. Прошло много времени с тех пор, как он покинул деревню. Его должны были уже простить, если, конечно, ещё помнят. Всё это время, пусть и неосознанно, он хотел вернуться, и вот теперь он снова тут — сердце билось в предвкушении встречи. Из тумана выплыла изба, труба над серой черепичной крышей, как обычно, дымила.

Александр открыл калитку и замер: перед ним лежал труп. Дед Игнат — человек и так не крупного роста — теперь, казалось, совсем скукожился. Он скрючился на земле, из перерезанной глотки струилась кровь. В деревне случилось нечто ужасное. Не помня себя от волнения, Александр вбежал в тамбур, и, распахнув дверь, ввалился в кухню.

Спиной к нему стоял крупный мужчина и кого-то держал, прижимая к себе. Человек сделал резкое движение рукой, и к ногам упало тело. Александр сразу узнал лицо жертвы: на полу лежала Маша, безмолвно уставившаяся в потолок остекленевшими глазами. Из разверзшейся шеи выливалась красная жидкость.

Человек обернулся, его квадратное лицо с тяжёлыми бровями тоже было знакомо — посреди комнаты стоял деревенский староста Кондрат.

— Зачем? — Александр ошалело смотрел на него. — Зачем ты это сделал?

Он бросился к Маше и прижал её к себе, ощущая, как тепло уходит из коченеющего тела. «Я во всём виноват, — корил он себя. — Зачем я пошёл в этот проклятый лес? Почему не смирился? Я, дурак, слишком много хотел знать. Я не верил тебе».

Александр поднял на Кондрата полный боли и ненависти взгляд и процедил сквозь зубы:

— Ты монстр! Ты убил их всех!

— Это ты убил их всех, — староста оставался невозмутим, — ты просто не помнишь. Ты забыл и того зубастого паренька, которого вы с сослуживцами запинали до смерти, и свою первую любовь, которую к кому-то приревновал на пустом месте. Сколько нас было на твоём пути? Человек тридцать? Но ты всех забыл.

Александр беззвучно рыдал, боль утраты затмила разум, он переживал её вновь и вновь. Затем он встал, приставил к голове Кондрата пистолет и выстрелил.

На столе лежал телефон с наушниками. Александр взял их и поднёс к уху. Вслушивался долго и внимательно, но ничего, кроме помех, там теперь не было: «Пожиратель-275» канул в небытие, или снова затаился, продолжая по-тихому, незаметно для всех, делать своё чёрное дело.

Александр вышел из избы и побрёл по дороге, куда глаза глядят. Шёл среди болота, а вокруг стелился туман. Белая субстанция объяла мир, сдавила, не давая вздохнуть, угнетала тяжестью обезличенного бытия, испепеляя надежды и умерщвляя краски жизни. Александр шёл мимо брошенной, увязшей в трясине техники, а машины провожали его взглядом выбитых фар, смеялись вслед гнилыми ртами радиаторов и тонули в трансцендентном экстазе бурлящего торфа. Шёл в коричневую сытость болот и в удушающую похоть туманов, шёл туда, где, по словам мёртвого деда Игната, таился огромный затопленный город, пропавший с карты, убежавший в безвременье вечности.

Позади послышался шум мотора. Старая жёлтая «Волга» с оранжевым маячком на крыше остановилась рядом с идущим человеком, из окна выглянуло, как всегда, доброе, улыбочивое лицо Петра Тимофеевича.

— Садись, подвезу, — предложил он, и Александр забрался на заднее сиденье.

Скоро болота закончилось, туман пропал, и по обе стороны дороги потянулись леса и поля. Навстречу проехал трактор, а ещё через некоторое время впереди показалось шоссе, по которому в обе сторону неслись равнодушные машины.

— Всё возвращается на круги своя, всё повторяется, — сказал Пётр Тимофеевич, — каждый раз ты будешь приходить сюда, и каждый раз они будут умирать так же, как умерли когда-то в прошлом. Это неизбежно.

Они мчались по оживлённой трассе, и Александр вспомнил эти места: в день, когда случилась беда, он проезжал здесь в направлении города. Теперь же его везли в обратную сторону.

— Вот мы и на месте, — сказал водитель, останавливая «Волгу» у обочины, в лес вела узкая грунтовка, — тебе туда.

— Что я там найду?

— Скорее всего, ничего, но кто знает?

— Я могу не пойти?

— Нет, не можешь. Рано или поздно жизнь вновь приведёт тебя к началу. «Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои». Не я это придумал, так что, извини.

Выйдя из машины, Александр последний раз оглянулся на Петра Тимофевича — тот на прощанье махнул рукой.

Медленно брёл в глубь лесной чащи. Шум дороги делался всё тише, а потом и вовсе пропал, и тогда Александр сел на поваленное бревно. Ветер шелестел в кронах, а холод пробирался под куртку и толстовку. Рядом лежала бутылка водки, содержимое которой наполовину вылилось в землю — кто-то был здесь совсем недавно. Вынув молоток из кармана, Александр зашвырнул его в кусты. Затем вытащил пистолет и долго смотрел на смертоносный кусок железа в руках. В обойме оставался последний патрон. «Нет, не могу», — Александр убрал оружие.

В городе снова жили люди и ездили машины, а значит, всё было на своих местах. Вот только найдётся ли место ему? Выбитый из равновесия он хотел покоя, он пытался укрыться в воспоминаниях о мире, который сам создал и сам же разрушил, и воспоминания привели в день, когда он ехал на отцовской «Волге» на дачу вместе с родителями. Видение обрывалось — обрывалось страшным ударом, положившим конец прошлой жизни и давшим начало этой. Именно тогда корчащегося в бреду мальчика первый раз посетило горбатое существо, которое больше не отпускало его от себя, постоянно следовало по пятам, пожирая душу.

За спиной зашевелились кусты, но Александр не обернулся. Он смотрел на пожухлую листву, осознавая боль брошенного на произвол судьбы существа, у которого не осталось ничего, кроме пустоты, завёрнутой в тряпки опостылевшего бытия. Он оказался Богом, убившимся о собственные величие и ничтожность, миром, потонувшим в трясине бессмысленных девиаций, тысячеглазым монстром, запертым в казематах железного царства...

По голове что-то ударило, затылок пронзила острая боль. Свет погас.

Больше книг на сайте - Knigoed.net